

0836

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Мейси Джетс

**ЧУДОВИЩЕ
В ПЛЕНУ КРАСАВИЦЫ**

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Annotation

После ужасной аварии принц Адам потерял жену и неродившегося сына. К тому же остался обезображенным до неузнаваемости. Его душа ушла во мрак, и несколько лет он не покидал своего замка... Пока однажды его не заснял на камеру один пожилой репортер, которому отчаянно требовались деньги. Захватив надоедливую папарацци в плен, Адам привлек внимание прессы и решил вновь заявить о себе, вернувшись на трон. Но вдруг в его жизнь вторгается новый персонаж – красавица Белль, которая прилетела спасти своего отца. Удастся ли ей смягчить жесткое сердце принца, которого в народе прозвали Чудовищем?

- [Мейси Эйтс](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
-

Мейси Эйтс

Чудовище в плену красавицы

* * *

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

The Prince's Captive Virgin
©2017 by Maisey Yates

«Чудовище в плену красавицы»
© «Центрполиграф», 2018
© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

Глава 1

Однажды, давным-давно...

Взглянув на огромный мрачный замок, Белль потуже запахнула пальто. Здесь, на маленьком острове в Эгейском море, где-то между Грецией и Турцией, было довольно прохладно.

Впервые услышав об Олимпиосе, она сразу представила себе Средиземноморье. Белые домики, голубое небо, бескрайнее море. Днем наверняка картина была именно такой. Но вечером, когда на остров опустилась тьма и с океана подул сырой ветер, девушка оказалась застигнутой врасплох.

Хотя старинной крепости не удивилась. Если бы не огоньки в окнах, никто бы не догадался, что в ней до сих пор живут. А чего еще ожидать от человека, который пошел на крайности, желая отомстить какому-то фотографу?

Принц Адам Казарос захватил в плен ее отца-репортера в момент съемки, взбесившись из-за ничего не значащих снимков, которые попали в прессу без его разрешения.

Белль должна была преодолевать страх. Принц явно лишился рассудка. Но ей прибавляла сил ярость, кипевшая внутри ее с той минуты, как стало известно о судьбе отца.

Страх сейчас словно обходил ее стороной. А ведь преследовал ее всю жизнь. Она боялась потерять отца и их уютное гнездышко, где она поселилась после того, как мать бросила ее четырехлетнюю. Боялась стать эгоисткой, одержимой сиюминутными желаниями, какой была и наверняка остается ее мать.

Страх исчез. Белль спокойно вошла на борт самолета в Лос-Анджелесе, сделала пересадку в Греции и долетела до Олимпиоса.

Можно было только надеяться, что бравата продлится.

Тони чуть не обезумел, узнав о ее плане. Они встречались уже восемь месяцев, и ему хотелось больше участвовать в ее жизни, но она сопротивлялась. Как сопротивлялась и физической близости.

Тони был ее первым парнем, а она привыкла иметь личное пространство и независимость и не собиралась отказываться от потребности в уединении.

По иронии судьбы, сегодня она и должна была это сделать.

Девушка с удивлением обнаружила, что дворец никто не охранял.

Поднимаясь по ступеням к грубо отесанным дверям, она не заметила ни единой живой души. Ей так хотелось взглянуть на календарь в телефоне, не вернулось ли время на пару веков назад.

Она поднесла кулачок к двери и засомневалась, стоит ли стучать. В итоге схватилась за железное кольцо и дернула его. Дверь раскрылась со стоном и скрипом, словно ее не открывали уже очень давно. Но Белль знала, что это не так. Несколько дней назад сюда приехал отец и, если верить слухам, попал в заточение.

Внутри Белль встретило неожиданное тепло. На стенах висели канделябры. Огромный каменный вестибюль, как во всех замках. Хотя туда ее приглашали нечасто.

Что и говорить, домик на берегу моря в Южной Калифорнии, где они жили с отцом, отличался от замка как небо и земля.

Однако увиденное абсолютно не совпадало с ее представлением о королевской знати. Сама она никогда не бывала ни в роскошных домах, ни на вечеринках знаменитостей в Беверли-Хиллз, а вот ее отец по долгу службы часто фотографировал знатных особ и знаменитостей.

– Ау? – произнесла она, с запозданием осознав, что выбрала не лучшее приветствие. Но адреналин придавал ей уверенности и сил. У нее есть миссия, и она намерена ее исполнить.

Когда принц все поймет, он с радостью отдаст отца на ее попечение. Когда принц узнает о состоянии его здоровья...

– Ау? – повторила она.

Вдруг раздались тихие шаги. Белль повернулась в сторону коридора, выходящего из вестибюля, и увидела высокого, худощавого мужчину.

– Вы потерялись, *kyria*?^[1]

Его доброжелательный тон совершенно не вязался с суровой обстановкой.

– Нет. Меня зовут Белль Чемберлен, я ищу своего отца, Марка Чемберлена. Принц насильно держит его здесь... Боюсь, ему не все известно.

Слуга – или тот, за кого она приняла этого мужчину, – приблизился, и выражение его лица прояснилось. Он выглядел озабоченным.

– Вам лучше уйти, госпожа Чемберлен.

– Мой отец болен, он должен лечиться дома, в Штатах! Ему нельзя здесь находиться. Нельзя лишать его свободы только потому, что принцу не понравились какие-то фотографии!

– Принц тщательно оберегает личное пространство, – произнес слуга. – И любое его слово... Закон.

– Я не уеду без отца! И не уеду, пока не поговорю с принцем! Кстати, безопасность у вас на грани фантастики. – Белль огляделась. – Меня никто не остановил на входе. Ясное дело, отец проник сюда с легкостью. Если принц хочет держать свою жизнь в секрете, пусть над этим лучше поработает. – Знаменитости, которых снимал отец, шли на все, лишь бы укрыться от его телеобъектива. Принц плохо подготовился.

Может, она слишком цинична, но ведь ее вырастил папарацци. Звезды наживаются за счет своих изображений, к тому же они публичные персоны. Отец просто был частью системы.

– Поверьте мне, – сказал слуга. – Вам не следует разговаривать с принцем.

Белль вытянулась, словно пытаясь казаться выше своего маленького роста.

– Поверьте мне, – парировала она. – Я непременно поговорю с принцем. Его деспотичные действия по отношению к гражданину Америки меня несколько не впечатляют! И вообще, если у него подбородок в шрамах, круглая челюсть или впалая грудь, взял бы деньги, не потраченные на ремонт замка, и вложил бы их в пластического хирурга! И не понадобилось бы мучить человека из-за неудачных ракурсов!

– Подбородок в шрамах? – раздался в темноте голос, совсем не похожий на голос слуги. Глубокий и низкий, он эхом отражался от каменных стен и резонировал в теле девушки. И вот тут по спине Белль прошел холодок. – Это что-то новенькое. Если честно, к хирургу я не собираюсь. Лягу под нож и как минимум потеряю терпение.

– Принц Адам! – возвестил слуга с благоговением.

– Можешь идти, Фос.

– Но, ваше величество...

– Не нужно заискивать передо мной! – отрезал принц, и его голос показался каменным, как и стены замка. – Выглядишь глупо.

– Как скажете, – пробормотал Фос и исчез во мраке.

Белль осталась без возможного союзника. Наедине с бездушным голосом, который прятался в чернильной тьме.

– Итак... Ты явилась сюда проведать отца.

– Да, – робко ответила она. Глубоко вздохнув, девушка попыталась взять себя в руки.

Обычно ее было непросто смутить. Детство она провела в дорогих частных школах, куда никогда бы не попала, если бы не доверительный фонд, основанный ее умершим дедушкой.

Одноклассники знали, на какие деньги она училась, поэтому ей

пришлось воспитать в себе волю. Все над ней издевались. Из-за ее бедности, из-за того, что ее мысли вечно были в облаках. К тому же Белль не вылезала из библиотек. Однако все эти истории, придуманные миры служили ей защитой. Помогали абстрагироваться от внешней пугающей среды, не замечать насмешек.

Она жила среди жестоких звездных отпрысков. С ними не потягаться принцу страны размером с почтовую марку.

Белль услышала тяжелую поступь, но мужчина по-прежнему оставался невидим.

– Я арестовал твоего отца, – пророкотал принц из темноты.

– Знаю, – ответила Белль как можно спокойнее. – По-моему, это было ошибкой.

Он ухмыльнулся. В комнате как будто стало холоднее.

– Ты авантюристка или просто глупая женщина? Заявилась в мою страну, ко мне домой, и оскорбляешь меня!

– Я просто беспокоюсь об отце. Вы что, не понимаете?

– Куда мне! Я о своем отце давно не беспокоюсь. Ему прекрасно лежится на кладбище.

И что на это отвечать? Выразить сочувствие? Да этот тип плевать хотел на ее сочувствие!

– К сожалению, моего отца скоро ждет та же участь. Он болен. Ему нужна помощь. Именно поэтому он вас и снимал – чтобы оплачивать лечение, которое не покрывает страховка. Он фотограф, и это его работа.

– Даже слышать не хочу об отбросах типа папарацци. В моей стране их деятельность запрещена.

– Никакой свободы печати? – Белль скрестила руки на груди.

– Никакой свободы отслеживать людей, как зверье, только потому, что кто-то коллекционирует фотографии!

– А зачем вас отслеживать? – сказала Белль с нескрываемым раздражением. – Я без труда проникла в замок. А отцу, с его опытом, было еще проще.

– Тем не менее его схватили. К несчастью, он успел отправить снимки в Америку, а его босс не идет со мной на контакт, так что...

– Так что их издадут специальным выпуском в конце недели. Я уже общалась с «Дейли стар».

– Их заинтересовала моя возросшая популярность, и теперь они хотят получить исключительное право на фотографии.

– Они даже не упомянули, что мой отец болен! – посетовала Белль.

– А кому до этого есть дело? Его же не волновали мои недуги!

– Ваши недуги смертельны?! – вскипела Белль. – Если он не вернется в Штаты и не продолжит лечение, он умрет. Я не позволю этому случиться! Вы решили посадить его в тюремную камеру. Зачем это вам? Потешить самолюбие? Он же для вас бесполезен!

Шаги приблизились, но Белль различила лишь темный силуэт.

– Может, ты и права. Для меня он бесполезен. Но из него выйдет отличный пример.

– Пример для кого?

– Для всех, кто осмелится совершить что-то подобное. Сколько можно третировать мою семью? Пресса всколыхнулась и решила подлить масла в огонь, потому что на носу третья годовщина аварии? Я этого не допущу.

– Значит, вы не против, чтобы умирающий фотограф сгинул у вас во дворце? Никогда не слышали, что злом зла не поправишь?

– Ты заблуждаешься! – гневно проговорил принц. – Я не собираюсь ничего поправлять. То, что со мной сделали, уже не изменить. Сейчас я жажду расправы!

Судя по звуку, мужчина от нее отвернулся. И пошел прочь.

– Нет!

– Я все сказал, – отрезал принц. – Слуга тебя выпроводит.

– Возьмите меня вместо него... – слетело с ее дрожащих губ. – Позвольте занять его место.

– Но зачем? – Принц снова приблизился к Белль.

Она часто заморгала, мысленно посетовав, что не обладает ночным зрением.

– Я же не больна. Я могу сидеть под стражей сколь угодно долго. Мне это по силам. – Загвоздка заключалась в том, что Белль собиралась получить степень магистра по литературе, но ради жизни отца она пожертвует клочком бумаги.

– На кой черт тебе это?

– Просто объявите, что это я сделала снимки. И втянула принца в неприятности. Пусть примером стану я. – Он молчал. В комнате все стихло, и она решила, что принц ушел. – Прошу!

– Легенда слабоватая. Нет.

– Но вы же собирались наказать его в назидание остальным...

– Верно. Тем не менее... тебе найдется более изощренное применение.

По ее телу пробежали мурашки. Страх.

– Хотите, чтобы я...

– Если бы я хотел проститутку, я бы уже ее вызвал. Дело в том, что ты... Красивая. Необычная. Я сейчас в непростой ситуации. Твой отец не

просто так решил меня снять. Последние три года страной правил наместник. Его срок подходит к концу. Я должен сделать выбор – либо отречься от престола, либо вернуть свое по праву.

Во рту Белль появился странный металлический привкус.

– И что же вы решили?

– Больше не прятаться, – ответил принц. – Я вернусь на трон и докажу, что еще на многое способен. Ни меня, ни мою страну не сломить! И я не прогнусь под натиском прессы.

– Ну, знаете... Я не смыслю в государственных делах. Ничем помочь не могу.

– Глупая! Мне не нужны твои мозги. Мне нужно то, чем я сам больше не владею. Мне нужна твоя красота.

Белль с трудом следила за ходом его мыслей.

– Значит, по рукам.

Он не дал ей времени отреагировать. Скоропалительное заявление ошеломило ее, и от страха у нее подкосились ноги.

– По рукам... – Белль не до конца понимала, на что согласилась.

– Отлично. Сейчас Фос сообщит твоему отцу, что он свободен.

Белль не знала, что и сказать. Победой здесь и не пахло. Ей было страшно настолько, что ее бил озноб. Она стала пленницей, согласившись занять отцовское место в замке безумца.

– А можно мне... увидеться с отцом, прежде чем он уедет?

– Нет, – отрезал принц. – Это повлечет за собой ненужные слезы. А я окончательно потеряю терпение.

– Так чего именно вы от меня ждете?

– Ты, наверное, слышала, что за любым успешным мужчиной стоит женщина? Вот ты и будешь этой женщиной. Немного смягчишь мой... образ тирана и затворника.

Принц повернулся и пошел прочь.

– Стой! – воскликнула Белль, охваченная паникой.

Мужчина остановился.

– Слуга проводит тебя в твою комнату.

Только не в комнату, а в подземную камеру... У нее кровь застыла в жилах, словно ее накачали наркотиками.

– Тогда можно мне хотя бы на вас посмотреть?

Нет, никакой он не монстр, блуждающий во тьме. Он обычный человек. Только, наверное, со впалой грудью.

Принц не выходил на свет, потому что боялся. Потому что он принадлежал к породе тиранов, которых нельзя даже обсуждать, не

заручившись разрешением. Нечего переживать. Сейчас она посмотрит ему в глаза и убедится в этом.

– Раз ты настаиваешь...

Его силуэт стал более четко различаться во тьме. Потом в круге света появилась его нога, а затем показался и он сам.

Рост и вес Белль угадала правильно: мужчина оказался не просто крупным, а огромным, широким и очень высоким. Но ужас был не в этом. Ужас был в его лице.

У него не было ни израненного подбородка, ни круглой челюсти. Напротив, черты его лица были совершенными. Поэтому увечья на них выглядели кошунственно.

Его темно-золотистая кожа была изуродована, покрыта рытвинами, глубокий шрам пересекал один глаз. Настолько глубокий, что бокового зрения принц наверняка лишился. Сохранил ли он способность улыбаться? Еще один шрам украшал рот, так что уголки его губ всегда были опущены.

В этот момент Белль осознала, что ее взял в плен не человек. Ее взяло в плен чудовище.

Глава 2

Принца Адама Казароса больше нельзя было назвать привлекательным. Авария, забравшая жизнь его жены, превратила его лицо в сплошную рану. Но его это не волновало. В нем осталось слишком мало человеческого. Можно было выразиться более поэтично: теперь его внешность соответствовала тому, что внутри.

Хотя взять девчонку вместо старика было чересчур рискованно. Но решения он не поменяет. Когда она произнесла свое предложение, он вцепился в него мертвой хваткой. Сразу придумал, как можно использовать эту Белль. Толка от нее будет гораздо больше, чем от ее папаши.

Если старик правда умирает, держать его здесь не имело смысла. Да, было бы неплохо сделать из него пример, чтобы подкрепить свою власть и упрочить жесткое отношение к развлечениям и папарацци, которые изводят своих жертв лишь потому, что те знамениты.

Но быть повинным в чьей-то смерти принцу не хотелось. К тому же он чувствовал, что девчонка окажется весьма полезной. Его затворничество должно кончиться, хотя принц с радостью остался бы в одиночестве навсегда.

В соглашении с наместником значились определенные условия. Если Адам не взойдет на престол, вся его кровная линия – многовековые правители Олимпиоса – зайдет в тупик.

Хоть принц и утопал в горе, в нем все-таки оставались силы для защиты своего рода.

Но ему нужна сенсация, благодаря которой его уродливая внешность отошла бы на второй план. Если он появится перед людьми в обществе красавицы, это добавит ему весомости. Осталось только подобрать для нее правильную роль.

Принц сжал ладонь в кулак и всмотрелся в изувеченную кожу. Иногда ему так и хотелось себя спросить, не перегибает ли он палку. Но потом он обо всем вспоминал – очень быстро. Да и как иначе, если о прошлом ему напоминало само его тело?

Неожиданно зазвонил телефон, и Адам выругался. Звонил его друг, принц Филип Каррион де ла Вина Кортес.

Он нажал на кнопку и поднес устройство к уху.

– С какой радости, Филип?

– И тебе привет, – лениво ответили в трубке. – Раф тоже на линии,

чтобы ты знал.

– Мы на конференц-связи? – спросил Адам. – У тебя проблемы?

Его пылкий друг имел репутацию зачинщика международных скандалов, и Адам не удивится, если тот вляпался в очередную историю.

Положа руку на сердце, Филип и Раф отличались друг от друга как небо и земля, и, если бы не дружба со школы-пансиона, вряд ли сейчас они бы общались.

Последние годы именно эти двое удерживали Адама от полного отшельничества. Поэтому он был у них в долгу. И даже переставал кричать, когда они ему звонили.

– Никаких проблем, – усмехнулся Филип. – Я устраиваю вечеринку – пятьдесят лет правления моего отца. И похоже, этот год будет последним. Разумеется, вы оба приглашены.

– Поводыря-то пропустят? – впервые подал голос Раф.

Филип засмеялся.

– Раф, пора уже найти милашку, которая будет тебя везде водить!

– Не всякая согласится на роль собаки, знаешь ли.

Пять лет назад, при несчастном случае, Раф лишился зрения, и, хотя Адам не знал деталей, он был уверен, что дело не обошлось без женщины. Подробностями личной жизни Раф делиться не привык. Он не имел отношения к знати, в отличие от них с Филипом, и рос, отнюдь не купаясь в деньгах. С подросткового возраста его продвигал некий итальянский бизнесмен.

Бизнесмен исправно платил за обучение Рафа и выделил ему место в своей компании. Как вдруг случилось несчастье. Но именно оно и подтолкнуло Рафа к следующей ступени успеха. Теперь он и без всякой королевской крови считался одним из богатейших и самых могущественных людей в Европе.

Что бы там с ним ни произошло, Раф в корне изменился.

Адам с Филипом росли озорниками, не задумывающимися об образовании, а Раф относился к учебе серьезно. Он учился в долг и никогда об этом не забывал.

Адам с Филипом проводили время в компании девушек, а Раф постигал науку.

И вот какими они стали... Изрядно потрепанными, за исключением Филипа. О своем беспечном на вид друге Адам беспокоился больше всего. По своему опыту он знал, что по-настоящему беззаботных людей мало, а те, кто напускает на себя вид беззаботности, в глубине души могут переживать сильнейшие травмы.

– Не верю! – вскричал Филип. – Как только она узнает размер твоего... банковского счета, она кинется на любую роль, только предложи!

– Ты так во мне уверен, я просто поражен, – заметил Раф.

– По обаянию Адам тебе и в подметки не годится, тут даже спорить нечего!

Адам стиснул зубы.

– Боюсь, я вряд ли приду на вечеринку, – процедил он сквозь зубы.

– Я так и думал, – усмехнулся Филип. – Но такого ответа не приемлю! В ближайшее время я намереваюсь занять трон. Может быть, отец вздумает от нас отгородиться, объявит нас островитянами, но я этого не потерплю. Я хочу образовать союз с тобой, Адам, и твоей страной, и с тобой, Раф, чтобы ты внедрил в Санта-Милагро экономику. Знаю, Адам, последние годы ты провел в тени, но правление наместника подходит к концу, и, судя по тому, что твои фотки молниеносно разошлись по таблоидам, тебе пора брать страну в свои руки. Твой облик, каким бы он ни был, все равно станет популярным в народе. Заскочи хоть ненадолго, Адам. Докажи, что ты не трус!

– Что тут доказывать?! – Филип иногда очень сильно раздражал Адама. – Ну, выйду я в свет, но власти-то у меня не прибавится!

– Чувшь собачья! Посмотри на Рафа! Если бы он мог, он бы давным-давно ушел в подполье!

Раф рассмеялся, но смех его был невеселым.

– Но я не изувечен. Я просто слепой, – проговорил Раф.

– Вот именно! – вскричал Филип. – Лучшего способа вернуть влияние и власть просто не существует! Да, я в курсе, как ты ненавидишь папарацци за то, что они сделали с тобой и с твоей семьей. Но неужели ты позволишь им командовать парадом? Публиковать фотографии пресловутого чудовища Олимпиоса и придумывать к ним возмутительные заголовки? Да перестань, Адам! Мой школьный друг никогда бы не допустил подобного! Если не ради себя, то ради Ианты.

Если бы Филип очутился сейчас перед ним, ему бы не поздоровилось за то, что он упомянул жену Адама. Но зерно истины в его словах все-таки присутствовало. Стоило признаться, Адам сам о том же подумывал, но Филип этого не знал.

– Возьми в руки бразды правления, – настаивал Филип. – Откройся миру, и Олимпиос снова станет твоим.

«Вот и нашлось применение для моей прекрасной пленницы», – подумал Адам.

– Когда будет вечеринка?

– Через месяц, – ответил Филип. – Главное, чтобы папаша до этого времени продержался.

Лучше бы он не питал особых надежд. Как известно, у Филипа с отцом были сложные отношения. А подробностями трое друзей делились скупко.

– Я буду, – произнес Раф. – Почему нет.

– Ты придешь с девушкой?

– Нет, конечно!

– Я буду с девушкой, – сказал Адам негромко.

– Ты? – не скрывая удивления, переспросил Филип.

– Да. И я очень рассчитываю на свое последнее приобретение.

– Адам... Что ты натворил?

– То, что обычно творят чудовища.

Белль остолбенела, когда ее привели не в подземную камеру, а в изящно обставленную спальню, где стояла кровать с балдахином, задрапированная парчой и украшенная подушками.

– Мне казалось, я пленница? – обратилась она к слуге.

Ее заставили отдать телефон, но, как ни странно, все обращались с ней любезно. Конечно, за исключением принца. Любезное обхождение – это не про него.

– Во дворце достаточно комнат, чтобы содержать в удобстве даже пленников, – сухо ответил слуга.

– Вы не одобряете поступков принца... Не так ли?

Мужчина повел плечами.

– Он не нуждается в моем одобрении. А в неодобрении и подавно.

– Он... сумасшедший? – выдохнула она.

Калека, придумавший ее отцу изощренную месть и принявший ее саму в качестве платежа, вряд ли имел здравый рассудок. Но все-таки она хотела выяснить, с кем имеет дело.

У принца, похоже, имелся план. Он собирался как-то ее использовать, чтобы вернуться под свет софитов. Оставалось лишь надеяться, что ее наказанию есть предел...

– Мозг принца не повредился при аварии, которая оставила эти шрамы, – осторожно проговорил слуга. – Больше ничего не могу сказать.

– Ладно, – ответила Белль, задрожав, и скрестила руки на груди. Ей вдруг стало холодно. Она повернулась к окну, но вместо него в стене была прорублена маленькая узкая щель, через которую виднелось море, освещенное фонарями. – Мой отец уже уехал? – спросила она, но слуга

исчез.

Белль вдруг остро ощутила оторванность от мира. И одиночество. Холод пронизывал ее до костей и доходил до сердца. Она согласилась остаться здесь, с этим безумцем, на неопределенное время. Никто за нее не заступится. Отец явно уже уехал, да он и не смог бы помочь. Ему нужно лечиться.

Интересно, принц сообщил отцу, что она заняла его место?

Внутри у Белль все сжалось. Вполне возможно, никто не знает, где она. Она не сообщила Тони, куда именно направляется, иначе он бы ее остановил.

Ни одна живая душа не догадается, что Белль заперта в средневековом замке. А вдруг ее и искать не станут?..

Она тут же отбросила эту мысль. Судя по словам принца, он намерен вывести ее в свет. А значит, ее заключение не останется тайной.

Но что подумает отец? Что он предпримет?

И что предпримет Тони, когда узнает, что ее держит в замке принц-чудак? Она представила, каким был бы их разговор... Тщедушный Тони не шел ни в какое сравнение с мощным сложением Адама.

Адам был...

Не успела она развить мысль, как принц вынырнул из тени. Суровое лицо в шрамах... Сильное тело... Белль вздрогнула.

Ее сердце забилось чаще, а по коже пробежали мурашки. Какой-то необычный страх. Страх, который лился по венам, как пламя.

Страх, от которого вовсе не страшно.

Она услышала тяжелые шаги и поняла, что не закрыла дверь, выставив себя на обозрение. Она метнулась к двери. Но недостаточно быстро.

Адам был уже внутри.

Наверное, впервые в жизни она встретила настолько крупного мужчину. Не меньше двух метров роста, широкоплечий и мускулистый. В ярком освещении его лицо казалось еще более пугающим.

Она снова подумала о том, каким же красавцем он был до аварии.

– Я тебя пугаю? – спросил принц.

– Разве ты не этого добиваешься?

– Отчасти.

Снова никаких подробностей.

– Так я предстану перед высшим судьей? – съязвила Белль. – Или ты и есть высший судья?

– На своей земле я сам вершу законы.

– Иными словами, ты сам себе хозяин.

Он медленно кивнул.

– Что ты намерен со мной делать? – спросила Белль, несмотря на дрожь во всем теле. Ей стоило большого мужества задать вопрос, ответ на который знать ей не слишком и хотелось.

– Я намерен получить от тебя расплату, – ответил он, и по ее спине прошел холодок. – Но сперва я хочу, чтобы ты со мной поужинала.

– Нет! – отрезала она, не успев как следует обдумать свой отказ. – Не хочу я с тобой ужинать!

– Почему?

– Ты взял меня в плен! И притом, ты производишь впечатление человека, абсолютно далекого от цивилизации!

– Да. И еще я очень противный, – с легкой улыбкой добавил он.

Но определение было неверным. Принц был изувеченным. Пугающим. Властным. Но не противным.

– Найди хоть одного человека, кто захочет поужинать со своим тюремщиком, – сказала она, не прокомментировав его последнюю фразу.

– Такова участь пленника, – сухо произнес он. – Выбирать особенно не приходится.

– А что, если я откажусь пойти с тобой? – Белль расставила ноги шире и уперла руки в бока. Нужно его проверить. Вдруг он сумасшедший. Вдруг он поступит с ней, как Генрих VIII? Голову с плеч, и дело с концом. А может, еще что похуже.

– Тогда я перекину тебя через плечо и отнесу в столовую, хочешь ты этого или нет.

– Не хочу.

В ту же секунду расстояние между ними резко сократилось, принц обхватил ее за талию, оторвал от земли и взвалил себе на плечо. Белль удивилась его силе. И легкости, с которой он ее нес. И его жаркому телу...

Его внутреннее пламя передалось и ей. Он зашагал вперед, и, качнувшись, она схватилась за его плечо, чтобы не упасть. Принц повернулся и вынес ее из комнаты.

Глава 3

Девчонка горела, как уголек, в его объятиях. Вот о чем он думал, когда вышел из ее спальни.

Одной рукой Адам обхватил ее за поясницу, другой придерживал за икры. Целых три года он не держал женщину в объятиях и вдруг почувствовал на себе тяжесть этих лет. Больше в его голове ничего не было.

Окутанный мраком, он не допускал и мысли о близости с женщиной. С уходом жены его постель опустела. И он никого не хотел видеть в своей спальне.

Его пальцы ощущали горячую, гладкую кожу Белль. В последний раз, когда он прикасался к женщине, та оказалась застывшей, холодной... Безжизненной.

Стиснув зубы, Адам понес сопротивляющуюся пленницу вниз по лестнице.

– Как ты смеешь? – визжала она, колотя его кулачком по спине.

– Как я смею кормить тебя ужином? – хохотнул он. – Вот такое я чудовище!

– Ты должен был прислать мне корку хлеба! – не унималась она.

– Да, но лучше поешь со мной, сегодня подают ягненка.

– А может, я не ем детенышей животных?

– Ты вегетарианка?

– Нет, – сдалась Белль. – Но все же!

– Если у тебя проблемы в поедании мелких пушистых тварей, всегда можно налечь на овощи и кускус. И еще будет пирог.

– Я могу съесть это в своей комнате, – ответила Белль, отчаянно сопротивляясь его напору.

Ее движения что-то в нем пробудили. Адам не придавал этому значения.

– Нет, *adare*^[2], не можешь, потому что я тебе этого не предлагал.

Он зашел в столовую и посадил девушку на кресло рядом с собой. Она уставилась на него, широко распахнув глаза. Действительно красавица... Ее темные волосы были собраны в конский хвост, а голубые глаза сверкали недоверчиво, но все равно очаровательно. У нее были пухлые губки – кажется, когда-то ему такие нравились, когда ему еще не стали чужды удовольствия.

По пути Адам успел заметить, что ее фигурка довольно женственна.

– Что ты от меня хочешь?!

– Чтобы ты поела. И желательно, без спектаклей.

Белль насупилась:

– Ты позволил мне поменяться с отцом местами не для того, чтобы меня кормить.

– Верно. Я позволил тебе с ним поменяться, потому что ты меня попросила. И, как я уже упоминал, я посчитал, что ты окажешься для меня полезнее умирающего мужчины.

Девушка чуть не подскочила.

– Так в чем будет состоять эта польза?

Наступил тот самый момент, когда женщина должна томно склониться к мужчине, коснуться его ладони, плеча или создать более интимную обстановку и положить руку ему на бедро. Но те времена давно в прошлом.

Адам посмотрел на прелестные розовые губки Белль. И на мгновение представил, как прижимается к ним своим безобразным ртом. Да, девчонка знатно оскорбилась бы!

– Да в чем угодно! Например, из твоей спины выйдет отличный столик. Правда, неровный.

Она прищурилась:

– А если серьезно?

– Не глупи, я всегда серьезен! – По крайней мере, был таким. До сегодняшнего дня.

Кроме друзей, с которыми он связывался в основном по телефону, Адам иногда перекидывался словом с придворными слугами. С Фосом, который был правой рукой его отца, и Афиной, кухаркой. Остальные часто менялись и старались не попадаться ему на глаза.

Белль была первой, с кем он провел так много времени.

– Действительно помешанный, – фыркнула она.

Пару мгновений спустя появилась Афина в сопровождении кухонного персонала с подносами.

– Сегодня у нас ягненок с мятно-йогуртовым соусом, – возвестила она, краем глаза осмотрев Белль. – Кускус и ассорти из овощей. На десерт пахлава.

– Благодарю, – сказал Адам.

Но Афина не торопилась уходить.

– Ты что-то хотела сказать, Афина? – спросил принц со вздохом.

– Мне все это не по душе! – строго проговорила она.

– А мне все равно, – отрезал он. – Оставьте нас.

Афина с грустью посмотрела на него, затем на Белль. Покачала головой и вышла из столовой.

– Слуги не одобряют твоих действий, – заметила Белль, критически осматривая блюда.

– А моя пленница меня не боится, – продолжил он. – Видимо, я где-то промахнулся.

– Я проделала большой путь из Калифорнии, чтобы поставить тебя на место и вызволить отца из темницы. Если бы это меня пугало, я бы давным-давно убежала. – Она гордо задрала подбородок, словно приготовившись броситься в бой.

– Посмотрим. Ешь.

Адам немедленно последовал собственному совету, с наслаждением набросившись на ужин, и обглодал один кусочек мяса до кости. А потом почувствовал на себе внимательный взгляд Белль.

– Чего? – буркнул он.

– Мне казалось, членов королевских семей учат элементарному столовому этикету. Ну, раз у тебя здесь другие нравы...

Он швырнул мясо обратно в тарелку.

– Ты решила меня оскорблять при каждом удобном случае? Я устроил тебе ужин. Выделил уютную комнату. А ты и спасибо не сказала!

– Я должна говорить спасибо за то, что меня лишили свободы?

– Это твой выбор. Ты могла бы оставить отца здесь.

– Умирать?

Он пожал плечами:

– Все умирают. И как правило, люди думают о себе, а не об умирающих.

– Отец меня вырастил, – отчеканила девушка. – Кроме него, у меня никого нет. Тебе легко презирать папарацци, но для меня он все. А ты даже не разрешил мне с ним попрощаться!

– Я не стану держать тебя здесь всю жизнь. Не драматизируй.

– Он болен, – упорно гнула свое Белль. – Он мог умереть в мое отсутствие!

Адам вдруг ощутил неприятный укол совести, а он вовсе не собирался истязать себя чувством вины. Только не сейчас.

– Да вряд ли. Ему же хватило сил проникнуть во дворец и сделать фотографии. Затем он продал снимки и не предпринял ничего, чтобы их вернуть, – процедил принц. – Если ты так разбираешься в массовой культуре, может, скажешь, откуда у меня эти шрамы?

Белль потупилась и покачала головой.

– Понадобился лишь один фотограф, который застиг моего водителя врасплох, поздно вечером и в плохую погоду, – сурово проговорил он. – В

итоге случилось непоправимое.

Про Ианту ему не хотелось рассказывать. Это уже глубоко личное.

– Прости, я не знала... – пробормотала Белль пристыженно. – Но мой отец не подвергал тебя опасности.

– Согласен, – произнес Адам снисходительно. – Он просто вломился в мой дом и нарушил мое личное пространство.

– Он безобиден, – возразила она. – Многие не понимают работу папарацци. Она бывает довольно... напряженной.

– Все они кровопийцы! Халявщики, которые выжимают соки из людей с талантом или властью.

– Мой отец не кровопийца. Когда мать решила, что не хочет со мной жить, он обо мне позаботился. Да, он фотографировал знаменитостей. Но на эти деньги он кормил меня всю жизнь! – пылко произнесла Белль.

– Существуют и другие способы заработать.

– И это говорит мне принц! Все должны трудиться. А некоторые жилы из себя тянут, чтобы эту работу просто получить!

– Ты читаешь мне лекцию о сложностях жизни? – Он откинулся на спинку кресла. – погоди, дай я возьму бумагу и ручку.

– Я очень сожалею о твоей аварии. Но мой отец в ней не виноват.

– Он хотел использовать мою трагедию для собственной выгоды! – Адам усмехнулся. – И он в этом преуспел.

– Он не хотел причинять тебе боль, – пробормотала Белль. – Ему нужна помощь. Ему нужно собрать денег на лечение.

– Меня не впечатляют твои оправдания. Больше всего на свете я ненавижу прессу. Особенно желтую, представителем которой является твой отец. Я ничего не могу сделать против этих публикаций. Поверь, я пытался. Но есть способ повернуть ситуацию в выгодную сторону.

– Да ну? И какой же это способ? – едко спросила она.

– После аварии я не появлялся на публике, поэтому снимки такие ценные. Ведь всем любопытно, как сильно я изуродован.

– Ты не выходил в свет... Совсем?

– Да. Я, кажется, упоминал это, когда мы познакомились.

– Когда ты взял меня в плен.

– Называй как хочешь. Я упоминал, что вместо меня сейчас правит наместник. Его срок подходит к концу, и, если я не верну контроль над страной, начнутся всеобщие выборы. И монархии придет конец. – Адам внимательно посмотрел на хрупкую девушку, сидевшую перед ним. – Я-то думал, ты навела обо мне справки перед тем, как приехать.

– Не хватило времени. Как бы ты к нему ни относился, я надеюсь, ты

понимаешь, что я сильно его люблю.

– Любовь важна только для тех, кто любит, – медленно произнес он, думая о жене. Газетчиков не волновало, что Адам ее любил. Они вечно изводили Ианту, вечно стремились раздуть скандал. – Больше любовь никто не ценит, – с горечью добавил он.

– Расскажи мне о своих планах. Раз уж я в них участвую.

– Я намерен держать тебя рядом, а потом представить миру как свою фаворитку.

Белль оцепенела.

– Как кого?!

– Фаворитку. Повторяю, меня не видели с момента аварии. Когда снимки опубликуют, мне придется выйти из добровольного заточения. И выбрать для этого правильное место и время – грамотный политический прием.

Адам продолжил поглощать пищу. В том, как он управлялся с едой, было что-то варварское. Белль совсем по-другому представляла себе принцев. Но когда он рассказал о затворничестве, все вдруг встало на свои места. Адам жил в замке практически один, ни перед кем не отчитываясь, ни перед кем не рисуясь.

Конечно, она ожидала несколько иного от человека, который лишил ее свободы из-за пары фотографий.

Да, он предупреждал, что ему понадобится ее красота. Итог его рассуждений не должен был ее шокировать.

Но изображать фаворитку?.. Это старомодное понятие вызывало некоторый диссонанс. Да и кто ей поверит? Белль понятия не имела, как играть соблазнительную особу. Или, по крайней мере, скромную кокетку.

Они с Тони познакомились во время учебы, и, если бы он не наведывался ежедневно в университетскую библиотеку и не переставал спрашивать, что читает Белль, они бы никогда не начали встречаться. Только благодаря его настойчивости у них состоялось первое свидание.

Тони, Тони... Он, наверное...

– Нет, я на это не пойду, – твердо проговорила она.

– У тебя нет выбора. Ты согласилась стать моей пленницей, терпи теперь.

– Но... нельзя, чтобы весь мир принял нас за пару!

Адам провел пальцами по ее скуле, оставляя на коже огненный след.

– Можно, – сухо ответил он. – Я знаю, для тебя это будет крайне унижительно.

Адам неправильно ее понял, но что-то объяснить ему не было смысла.

Он все равно не изменит своего мнения.

– Я и не подозревала, что тебе будет трудно найти девушку, готовую выполнить любую просьбу принца.

– Таких, как я, с большим состоянием и властью, довольно много. Но не у всех из нас большое чувство юмора и искалеченное лицо.

– Значит, ты хочешь, чтобы я сыграла твою девушку? – напрямую спросила Белль.

– И не только. Я представлю тебя своей возлюбленной, так что никаких выходов. Или придется заняться твоим отцом.

Белль почувствовала себя беспомощной. Как настоящая пленница.

– У меня есть парень.

Как будто факт существования Тони мог остановить Адама.

– Больше нет.

У нее екнуло сердце.

– Но ты не можешь меня заставить порвать с ним!

– Да и не надо. Все равно поговорить с ним ты не сможешь. Такой сценарий даже лучше: он бросится к СМИ с упреками в адрес бывшей девушки, которая променяла его на это... – И он показал на себя.

– Ты хочешь меня унижить? Из-за отца?

– Нет, – резко ответил он. – Я хочу вновь вернуть внимание общественности. – Адам мрачно засмеялся. – А это весьма непросто. И будь я проклят, если позволю себя жалеть. Или презирать. Когда я войду в зал и предстану перед светом, все будет так, словно я его и не покидал. Да, сейчас мне страшно, но меня будет сопровождать красавица, и народ решит, что я вернусь на трон с той же легкостью, с какой затащил тебя в постель.

– А когда вечеринка закончится?

– Тебя отпустят, само собой, – небрежно ответил Адам. – Сочинят легенду о нашем расставании. За такой короткий срок мне бы все равно не удалось обзавестись семьей. Но когда-нибудь точно обзаведусь. Когда насыщусь десятком-двумя красоток вроде тебя.

Его самоуверенность должна была разозлить Белль. Но ее вдруг бросило в жар.

– Мне нужен телефон, – с силой произнесла она, думая о Тони. Стараясь думать о Тони.

– Увы.

– Но я согласилась на твои условия!

– Ты же не гость, а пленница. Без моего позволения ты не сможешь ни с кем связаться. Твой отец – паразит, низшая формы жизни, а я не знаю

наверняка, вдруг ты тоже фотограф, и вдруг, при удобном случае, ты поступила бы так, как он. Знатная получилась бы уловка, а?

Белль это даже в голову не пришло.

– Вообще-то я без пяти минут магистр по литературе.

– И что же ты будешь делать с таким образованием?

– Учить других. Я не осуждаю отца, но и по его стопам не пойду.

– И вот ты здесь! – Адам широко раскинул руки. – Это называется, не по его стопам?

– Спасибо, я наелась, – буркнула Белль, покосившись на едва тронутое блюдо.

– А я еще нет.

– Я пойду в свою комнату.

– Пойдешь, когда я закончу. И советую тебе доесть, больше я предлагать не буду.

– Я действительно сыта.

– Меня не устраивает вариант отправиться на вечеринку с высохшей мумией. Платье должно идеально облегать твои женственные формы.

Белль вспыхнула:

– Какое ты имеешь право распоряжаться моими формами?! Они тебе не принадлежат! Я сыграю для тебя этот спектакль, но к моему телу доступ ты не получишь.

Адам поднялся и подошел к ней. Затем наклонился и кончиками пальцев провел по ее щеке. Девушка, как замороженная, уставилась на его лицо. На его кожу в рытвинах, на опущенный уголок рта, на шрам, пересекавший правый глаз. Белль поняла, что шрам не испортил его зрение. Адам все видел. Адам видел ее насквозь: и лихорадочное течение крови по ее венам, и бешеный стук ее сердца.

– Для меня не существует запретов, – ласково произнес он. – Запомни это раз и навсегда.

– Я же говорила...

– У тебя есть парень? Прекрасно. Но я запер тебя в своем замке, Белль. Как думаешь, меня может волновать твоя личная жизнь?

– Учитывая, что... – Она нервно сглотнула. – Что за сорок восемь часов у тебя появилось двое заключенных, ты вряд ли переживаешь о бойфрендах.

– Правильно. – Адам снова опустился в кресло, и ей заметно полегчало. – Знаешь, а ведь это прелюбопытнейшая вещь! У тебя все отнимают, ты сужаешь свой мир до пределов дворца, и вдруг появляется столько времени на размышления.

– Вижу, ты прошел свой собственный путь а-ля «Есть, молиться, любить»^[3] и просветлился, – заметила она.

– Не совсем. Просто я много думал о том, что ценно, а что нет.

– И что же для тебя является ценным?

– Выживание в этом мире. Больше ничего. За то, как ты живешь, тебя не наградят, Белль. Помни об этом.

– У тебя хватает наглости высказываться о профессии моего отца, и в то же время ты говоришь, что нравственность не имеет значения?

– Нравственность затрудняет выживание. Когда у тебя ничего не остается, природная потребность дышать поддерживает в тебе жизнь. Когда вокруг все исчезает, у тебя есть лишь вдох и секунды перед выдохом. Иногда ты живешь только ради этого. – Адам оторвал зубами кусок мяса. – Всеми людьми управляют естественные потребности. Не образ жизни, не то, чем ты владеешь.

Она покачала головой:

– Это не про меня. Я люблю книги. И океан. Нагретый солнцем песок, который ласкает мою кожу. – Его глаза сверкнули, и она почувствовала, что краснеет. – Это гораздо ценнее выживания. Потому что придает жизни смысл.

Адам невесело рассмеялся:

– Ты удивишься, но когда я смотрю по сторонам, то вижу смысл в своем существовании и одновременно не вижу никакого. Меня окружает пустой, мрачный, безжизненный дворец. Когда у меня болит каждая кость в теле и я едва встаю с кровати, то спрашиваю себя: «Почему я до сих пор дышу?» И ответ не в книгах и не в песке.

– А в чем? – вырвалось у нее.

– Я слишком упрям, чтобы сдаться смерти. – Он встал. – Все, я закончил. Пойдем, провожу тебя в твою комнату.

– Не стоит.

– Стоит! – безапелляционно сказал он. – По дороге я расскажу несколько основных... правил.

Белль разозлилась. Она не привыкла действовать по чьей-то указке. Отец воспитывал ее иначе. Частенько он не знал, как обращаться с маленькой дочкой, но он ее любил, и Белль старалась доставлять ему как можно меньше хлопот, видя его старания. Она помнила, как ей жилось с матерью.

С папой было вольготнее. Он старался никогда ее не критиковать. Она сама выбирала себе ужин, одежду, решала, куда пойти вечером и когда остаться дома.

И этот самодур-принц решил, что она примет его правила? Нет, этого не будет из принципа!

Закусив губу, Белль промолчала. В ее сердце все-таки прокрался страх. Она ведь точно не знала, какой он человек. Не знала, на что он способен.

Смириться будет трудно. Удары судьбы обрушивались на нее один за другим. Но если бы она получила все сразу, то тут же сошла бы с ума.

– Если проголодаешься, скажешь Афине, и она тебя покормит, – начал он.

– А нельзя мне самой приготовить себе еду?

– Нет, – буркнул он.

– Ладно... Я не удивлена.

Белль поплелась за принцем по длинному коридору к лестнице.

– Там выход к саду, – сказал он, указывая налево. – Можешь исследовать всю территорию дворца, залы и библиотеки для тебя открыты. Но только не мои покои.

– Ясно, – пробормотала она, немного успокоившись. В его покои ее не тянуло.

– Я живу в восточном крыле.

– Один занимаешь целое крыло?

Он приподнял бровь:

– Мне необходимо много личного пространства.

Адам отвернулся, продолжая путь. В его непримечательной фразе скрывалось больше смысла, чем он предполагал. Он поглощал собой не только все пространство, но и сам воздух помещения, где бы ни находился.

– Может, все-таки вернешь мне телефон? Очень нужно позвонить.

– Пока это невозможно, – отрезал он. – У меня своя политика, у тебя своя. И наши убеждения не должны пересекаться, – безжалостно продолжил он.

– Значит, ты намерен держать меня в отрыве от всего мира?

– Это не так ужасно.

Белль вдруг осенило, что она вынуждена жить с человеком, который не покидал своего дома несколько лет. Адам никак не мог понять, что изоляция не всем нравится. Потеря человеческого облика его не волновала. Ему было невдомек, что Белль может хотеть большего. Что ей необходимо нечто большее.

Здесь можно умереть с тоски, а этот феодал даже не заметит, что с тобой что-то не так.

– Мне нечего надеть, – призналась Белль.

Когда они подошли к ее спальне, она поняла, что не взяла с собой

одежды. На ней были те же джинсы и кофта, в которых она вчера села в самолет.

– Я что-нибудь раздобуду. Завтра принесут. А сейчас ничем не могу помочь.

– Но... Мне не в чем спать.

Он скользнул по ней жарким взглядом.

– Так спи голой. Бери с меня пример.

Ее воображение услужливо нарисовало его обнаженное тело. Интересно, как далеко протянулись его шрамы? Его кожа изранена полностью или только частями?

Ее охватили странные ощущения, от которых кожа покрылась мурашками.

Адам пристально смотрел на Белль. Между ними словно вспыхнули искры. Она вдруг четко осознала, сколько силы и самообладания потребовалось от него, чтобы запереться здесь.

– Удаляюсь, – бросил он и повернулся.

Ей почему-то захотелось его остановить, чтобы продлить приятный момент. Она на несколько мгновений замерла.

Принц покинул ее спальню и зашагал по коридору, а Белль с облегчением выдохнула, даже не заметив, как задержала дыхание. Потом бросилась запирает дверь, хотя зачем? У тюремщика ключи все равно найдутся.

Белль прижала руки к груди, надеясь унять бешено бьющееся сердце, всхлипнула, и по ее щеке скатилась слеза. Она рухнула на кровать. Одна, совсем одна... Ни папа, ни Тони не знают, где она находится.

И до них тоже не добраться. Помощи ждать неоткуда. Придется доверить себя мужчине, который посадил ее в клетку.

Этому увечному и необыкновенно красивому мужчине, от которого всегда веяло холодом.

Белль зажмурилась, стараясь поскорее уснуть. Мысли закружились в безумном вихре, но его мрачные глаза следили за ней неотрывно. Черные глаза на израненном лице были окнами в его израненную душу.

Адам не давал ей покоя.

«Я представлю тебя миру как свою фаворитку».

Внизу ее живота вдруг появилось приятное тепло. И прежде чем погрузиться в сон, она подумала, что это не похоже на страх... И на гнев... Чувство было какое-то неизвестное.

И признавать его она отказывалась.

Глава 4

Замок преобразился. Неужели из-за девушки, которая в нем поселилась? Адаму не хотелось придавать ей такую значимость. Во дворце часто бывали женщины: гости или члены персонала, которых он старался избегать. Больше десяти лет у него работала Афина.

С появлением Белль ничего не должно было измениться. Но он ощущал ее присутствие даже в воздухе. Адам усмехнулся. Видимо, Филип попал в точку. Из-за своей изоляции он начал потихоньку съезжать с катушек.

Настолько привыкнуть к дворцу, чтобы чувствовать каждого нового человека... Да, это попахивало безумием.

Хотя гораздо безумнее было охватившее его возбуждение, когда вчера вечером он дотронулся до Белль. Совершенно зря. В нем проснулись эмоции, которых он никогда не испытывал.

Впервые на своей памяти принц почувствовал себя неприкаемым. Обычно он занимался своими делами, не покидая стен замка, или, если ему хотелось сменить обстановку, в саду. Часто также он занимался физкультурой.

Сейчас все изменилось. И перемены его не радовали.

Адам бродил по дворцу, и, завидя его, слуги прятались кто куда. Он как будто излучал свое плохое настроение.

Если бы появились неотложные государственные дела, Фос о них бы уже сообщил. Но советник не приходил, а значит, работы не предвиделось.

Адама это страшно разозлило.

Мимо прошмыгнула служанка, и он остановил ее взглядом.

– Принесите кофе в библиотеку! – скомандовал он.

– Простите, ваше величество, но кофе уже там, – пролепетала она, поклонившись.

– С чего вдруг?

– Это для леди... Афина распорядилась подавать ей еду, где бы она ни находилась.

Ну конечно! Домоправительница решила перехватить у него бразды правления!

– Вы поступили правильно, – успокоил он служанку. – Можете идти.

Адам направился в библиотеку. И увидел там Белль. Она сидела в кресле, поджав под себя ноги. Одежду со вчерашнего дня она так и не

меняла. Точно, ей же нечего надеть. Надо будет проследить, чтобы ей подобрали наряды.

Девушка увлеченно читала книгу и не заметила, как он вошел.

– Наслаждаешься чтением?

Белль подпрыгнула на месте и подняла на него круглые от удивления глаза.

– Как видишь, – процедила она. Ее бледные щеки порозовели. Неужели от смущения? Или от злости? Скорее, от злости.

– И о чем там?

– Тебя не интересует. – Она захлопнула книгу, зажав палец между страницами, склонилась над столиком у кресла и взяла чашку.

На столе стояли еще одна чашка и графин. Адам налил себе кофе.

– Мне сказали искать здесь и тебя, и кофе.

– Судя по всему, ты нас нашел. – Она покосилась на него и задумчиво прижалась губами к краю чашки. – Ты сам говорил, что я могу заходить куда угодно, только не к тебе.

– Верно.

– Тогда почему ты ходишь по дворцу с недовольным видом? Ты сам меня здесь запер.

– Да, *адаре*, а ты сама предложила сделку. Так что не возмущайся. Я твою просьбу исполнил.

– Лучше бы ты нас обоих освободил.

Адам засмеялся:

– Ну, нет, так не пойдет. Думаешь, я буду поступать определенным образом только потому, что это правильно?

Адам давным-давно потерял связь между правильными и неправильными поступками и решениями.

И ни одна Дюймовочка не посмеет его учить. Она не знает, что он за человек, какая у него жизнь. Какой на нем лежит груз, который очень скоро его раздавит.

Нужно вернуться к лучам славы. Чем дольше Адам раздумывал над словами Филипа, тем больше убеждался в том, что друг действительно предлагал отличный вариант.

Хватит уже блуждать в потемках.

Адам давно не думал о себе, но для блага своей страны должен изменить политическую картину королевства. Он должен захватить власть, и рано или поздно это произойдет, но...

На снимках того репортера Адама окутывал густой туман. Тот факт, что окружающий мир никуда не делся в его отсутствие, бесил его

невероятно. А появление Белль и звонок Филипа лишь усилили его злость.

– А по-моему, люди должны совершать только правильные поступки, – упрямо возразила Белль.

– Не допускаешь мысли, что люди часто поступают так, как им выгоднее? Твой отец, случайно, не этим принципом руководствовался?

Белль помрачнела:

– Наверное.

– О чем мы и говорили, Белль. Выживание! Вот что главное. Дойти до конца. Продлить расстояние между первым и последним вздохом. И если в это время нам предоставляется возможность разбогатеть – мы ею пользуемся.

– Наверное, – глухо повторила она.

– Пойми, меня здесь держит не корысть, а любовь к своей стране. Наместник Кириакос хороший человек, но он не Казарос. Олимпиос – не его наследство.

– Ясное дело.

– Когда-то я думал, что предстану в глазах своего народа слабаком. Что люди не захотят видеть меня изуродованным. Поэтому я старался оставаться в тени. Я сделал все возможное, чтобы люди не подняли на смех своего обезображенного правителя.

Белль поморщилась, но смолчала. Надо смотреть правде в глаза – он действительно был обезображен. Прошли те времена, когда Адам и Нанта, самая красивая королевская чета, были обласканы высшим европейским светом. Камеры преследовали их повсюду. Но теперь он лишен и своей принцессы, и привлекательности.

Адам вынужден вернуться вовсе не из-за самолюбия.

– Кстати, в качестве бонуса испытаете на себе, каково это – оказаться по ту сторону фотообъектива, – добавил Адам.

Белль закатила глаза:

– К чему ты клонишь?

– Ты наверняка уже догадалась, что мы произведем сенсацию. Именно поэтому вчера и заговорила о своем парне. Ты даже не представляешь, какая это будет новость! До аварии я будоражил умы только европейской знати. А теперь моим возвращением заинтересуется весь мир. Всем до смерти захочется посмаковать подробности жуткой аварии. Таблоиды запестрят сальными заголовками. А когда рядом со мной увидят такую красавицу... Это будет фурор.

Адам снова намеренно не упомянул ни слова о своей жене. Не для ушей Белль.

– Даже не мечтай позвонить своему парню. Я сделаю так, что ни одна живая душа не усомнится в наших отношениях.

– Мой отец точно не поверит, – сказала она. – Наверное, он сейчас в больнице. Там должен быть телефон.

Адам почувствовал напряжение.

– Думаешь, он не поверит, что это я убедил тебя остаться? Я предложил тебе дорогую одежду, украшения... удовольствия. И ты польстилась.

– Конечно, не поверит.

– Потому что я урод? Послушай, Белль, мужчине в моем положении не нужно быть красавцем. С моими навыками не обязательно иметь идеальное тело, чтобы довести женщину до оргазма.

Белль покраснела до кончиков волос. Адам же почувствовал, что его кровь буквально кипит. Второй раз за последние сутки он ощутил возбуждение. Он ведь легко доведет женщину до пика наслаждения, как только они окажутся в темноте. Не обязательно изменять внешность, чтобы найти на ее теле точки, которые заставят ее содрогаться от ласк в его объятиях.

И снова Адамом руководило не тщеславие, а... желание. Оно скрывалось так долго, что Адам успел списать его со счетов.

А теперь его тело начало возрождаться. Он буквально умирал от сексуального голода.

– Мне это не интересно, – глухо произнесла Белль.

– Конечно. У тебя же есть парень. И как он? Смазливый? А он знает, как заставить тебя кричать от наслаждения?

Она вскочила с кресла, прижав книгу к груди.

– Ты ужасен!

– Я чудовище, которое держит тебя в плену. Если ты ждала от меня чего-то иного, спешу тебя разочаровать.

Белль смерила его негодующим взглядом и уже хотела рвануть из комнаты, но Адам подбежал к ней, выхватил книгу, их пальцы соприкоснулись, и по всему ее телу побежали искры.

– Ты потерял страницу! – возмущенно воскликнула она.

– Найдешь сама. – Он повертел книгу в руках. – Что это?

– «Анна Каренина».

– Это она бросилась под поезд?

– Да. Мне об этом остается только мечтать.

Адам запустил пальцы в волосы Белль. Он думал, что она тут же отойдет. А она застыла от изумления.

– Что-то я сомневаюсь.
– В чем? Что у меня есть мечты?
– Разумеется, у тебя есть мечты! Нет. Я сомневаюсь, что ты хочешь броситься под поезд.

Адам погладил ее шелковистую щеку, обвел пальцем контур губ. Это ее встряхнуло, и Белль отскочила.

– Я приехала сюда, чтобы спасти отца. За это я должна отправиться с тобой на вечер, для которого, кстати, у меня нет платья. Ни о чем больше мы не договаривались. Скажи, если ты хочешь чего-то еще. Тебе нужно мое тело? Я лягу и буду ждать тебя. Но не забывай, что близость будет по принуждению. И не надейся меня соблазнить. Это невозможно.

– Я никогда не заставлял женщину ложиться со мной в постель.

– Ну да, ты же принц! Кто посмеет тебе отказать? – Белль судорожно вдохнула и отошла еще на шаг, и Адам решил, что она закончила свою эмоциональную речь. Но она продолжила: – А ты был с женщиной после... Сам знаешь... Теперь тебе, наверное, будет сложно? – выпалила она с горящими глазами, сразу раскаявшись за такой меткий удар.

Тут Адам не выдержал. Он схватил ее за руку и притянул к себе. Белль потеряла равновесие и упала ему на грудь, прижавшись к упругому, мускулистому телу.

Он крепко схватил ее за подбородок и страстно впился в ее губы.

Глава 5

Наказание – вот чем был их поцелуй. Он не был ласковым и осторожным. Он не приносил удовольствия. Он имел привкус гнева. Или даже ненависти.

Белль была слишком ошарашена, чтобы дать отпор. Она застыла в мощных объятиях принца.

Заставив ее губы открыться, он погрузил язык в ее рот.

Где же приступ адреналина, который в стрессовых ситуациях выбрасывается в кровь? Когда человек может поднять машину и всякое такое? Должно же ее что-то спасти! Как ей оттолкнуть принца?

Но адреналин не появился. Появилось нечто иное. Предательский жар, странное, томительное ощущение, которое возникло в животе и распространилось по всему телу. Ей захотелось раствориться в его объятиях.

Подобное непонятное ощущение Белль уже испытывала раньше. Только сначала она приняла его за страх. То, что происходило сейчас, было похоже на вспышку. Когда их губы встретились, вспышка стала просто ослепительной.

Может, из-за ран улыбаться Адаму было трудно, но целовался он отменно.

Белль и не подозревала, что поцелуй может быть таким грубым и изматывающим. В нем не было сладости. Когда она целовалась с Тони, они как будто сближались.

Сейчас все было иначе. Это жесткое, яростное действие пробивало брешь в ее обороне, а сердце грозило выскочить из груди. Она не могла ни думать, ни дышать. Ноги отказывались ее держать, и, чтобы не упасть, она схватилась за его рубашку.

Адам намотал волосы Белль на руку и зарычал, углубляя поцелуй. И его рычание вдруг рассеяло окружавший ее туман.

Что происходило? Она позволила этому чудовищу себя поцеловать? Он держал ее отца в плену, и теперь она тоже под арестом. Заботливый Тони, который ждет ее возвращения, пришел бы в ужас от ее поведения.

Белль предала его и себя. Позволила безумному плотскому желанию увлечь себя.

Пытаясь оттолкнуть Адама, она уперлась ему в грудь и плечи, но он не сдвинулся с места. Поэтому она укусила его за губу.

Взревев, он отстранился, бешено сверкнув глазами.

– Ты об этом пожалеешь!

– Я жалею только о том, что ответила на твой поцелуй!

– Тем не менее ты трепетала в моих объятиях, – ухмыльнулся он.

Она разозлилась еще больше, потому что он сказал правду. Ее охватило вожделение, и вряд ли она когда-нибудь сможет его утолить.

– Именно так ведет себя жертва перед хищником! – выпалила Белль. – Она дрожит! Потому что знает, что ее съедят!

Адам рассмеялся, и от его жуткого смеха у нее внутри все перевернулось.

– Ну конечно! Еще пара минут, и я бы тебя проглотил.

– Негодяй! – воскликнула она. – Неудивительно, что ты до сих пор один! Неудивительно, что ты прячешься! Изуродованная внешность – наименьшая из твоих проблем. Не лицо делает тебя чудовищем.

Белль резко развернулась и, ослепленная гневом, помчалась по коридору. Она бежала, не оглядываясь, по лабиринтам залов и оказалась в совершенно незнакомом месте.

Остановившись, она с радостью заметила, что Адам ее не преследует, и приложила руку к груди, переводя дыхание. Оглядевшись, она поразилась окружающему ее мраку. Здесь витала странная атмосфера заброшенности.

Белль осторожно шагнула вперед и увидела картины на стенах, еле различимые под слоем пыли.

Она как будто попала в другое здание. Никаких следов присутствия персонала, сюда явно никто не заходил много лет. Медленно открыв дверь, Белль заглянула внутрь и обнаружила там перевернутую мебель. Стол лежал на боку, диван был перевернут.

Она закрыла дверь и продолжила идти по коридору.

Из-под второй двери струилась полоска света. Девушка поневоле задержала дыхание, ее руки и ноги все еще дрожали от поцелуя, от бега...

Она оглянулась и дернула ручку – та поддалась. Белль снова оглянулась и заскочила в комнату.

Источником света оказались два настенных канделябра над камином, наполнявшие комнату тусклым сиянием. Плотные задернутые шторы были покрыты пылью – значит, их не отдергивали целую вечность.

Полупустые книжные полки, перекошенное кресло со сломанной ножкой... Посредине стены красовалось темное пятно, как будто туда запустили бокалом с какой-то жидкостью. Подойдя ближе, Белль заметила осколки, подтверждающие ее теорию. Интересно, сколько они там лежат? По виду – давно, но их никто не убрал.

Она шла все дальше, и сердце у нее стучало как сумасшедшее. Что-то хрустнуло под ногой. Ваза. Точнее, ее остатки. Среди осколков валялись сморщенные и почерневшие розы.

Наклонившись, она подобрала высохший лепесток и провела по его краям пальцем.

На столе, с которого, очевидно, рухнула ваза, фотографией вниз лежала рамка.

Увиденное ее ошеломило.

С фотографии улыбалась красивая светловолосая женщина. Рядом с ней стоял мужчина, сияющий от счастья. Его широкая ладонь покоилась у нее на животе.

Белль уставилась на мужчину со снимка, очарованная по-настоящему мужской красотой. Но взгляд приковывали его глаза. Темные, пронзительные, слишком хорошо знакомые.

Это был Адам. До аварии.

В поисках подсказки она внимательно осмотрела фотографию. На его левой руке, которая лежала на животе женщины, было обручальное кольцо. Его жена. Она носила под сердцем ребенка.

И теперь у него не было ни жены, ни ребенка...

Белль охнула, прижав ладонь к губам, и выронила рамку, которая с треском приземлилась на поверхность стола. Чтобы убедиться, что фотография не пострадала, Белль снова вцепилась в рамку.

– Ты что здесь делаешь?

Безмолвие комнаты нарушил мрачный голос, и она обернулась, зажав рамку в руках.

Адам стоял в дверях с перекошенным от гнева лицом.

– Это... Это твои покои, да? – пролепетала она.

На первый взгляд необитаемые помещения хранили свидетельства стихийной ярости. Значит, вот где он жил. И заходить сюда запрещалось не только ей. Похоже, ни один слуга не бывал здесь... После аварии.

– Да, это мои покои, – процедил он. – И я тебя предупреждал, что сюда нельзя заходить.

– Я и не собиралась...

– Конечно, ты просто взяла и без спроса проникла в уединенную часть дворца и решила ее исследовать. А ты не думала, – сказал он, подкрадываясь к ней, как хищник, – что неосвещенные комнаты с закрытыми дверями могут быть частной собственностью?

– Я не хотела...

– Фотография! – рявкнул он. – Дай сюда! Если ты ее повредила...

Белль снова посмотрела на двоих улыбающихся людей. Адама изменили не шрамы, а тоска. Как будто радость покинула его, исчезла навсегда.

– Все нормально, – пробормотала Белль, протягивая ему фото дрожащей рукой. – Она в порядке.

– Положи на стол, откуда взяла! – скомандовал Адам.

Выполнив приказание, Белль отскочила от стола, словно своей близостью боялась нанести снимку вред. Эта вещь была ему явно очень дорога. Белль почувствовала себя разбитой, как стекло у нее под ногами.

– Я не знала... – пролепетала она.

– Ты довольна? Узнала, наконец, о моей потере? А это, – сказал он, показав на свою щеку в рытвинах, – это просто символ. Воплощение моей угнетенной души. Я даже рад, что не остался таким, как на фотографии. Гораздо гармоничнее, когда человек разрушен и внутри, и снаружи, не правда ли?

– Ты был женат, – вырвалось у нее. Ну и глупость же она сморозила.

– Да... – протянул он. – Тебе и правда стоило разузнать обо мне побольше, прежде чем сюда заявиться.

– Просто я не...

– Именно поэтому я не пускаю в свою страну папарацци и не терплю их. По-твоему, я должен привечать этих мерзавцев? После всего, что они со мной сделали? – раздраженно проговорил он. – После того, как они забрали у меня жену? – Он схватил из серванта фужер. – После того, как они забрали у меня сына? – Он швырнул фужером в стену, и тот разлетелся на мелкие части. Горка разбитого стекла увеличилась, и никто ее оттуда не уберет.

Теперь Белль все поняла. Эта комната была эпицентром страданий, когда переживания захлестывали его, и он крушил все подряд.

– Адам... – обратилась к нему Белль.

– Убирайся. И никогда больше сюда не приходи.

– Извини.

– Зачем мне твои извинения? Решила, что я добиваюсь твоей жалости? Людей не возвращают из мира мертвых, так что не сотрясай воздух понапрасну. Ничего уже не исправить. Ничего! – Адам схватил еще один фужер и запустил им в стену.

От грохота Белль подпрыгнула на месте.

Он буквально подпрыгнул к ней и больно схватил за руку.

– Убирайся, пока я не сделал то, о чем мы оба пожалеем.

Затем он освободил ее, и девушка попятилась, массируя запястье. Ей

почему-то стало ужасно тоскливо. Конечно, Адам напугал ее, и ей хотелось поскорее убежать в свою комнату.

Но было видно, что он страдал, и его раны оказались гораздо глубже, чем она думала.

Без раздумий она взяла и протянула ему ладонь. Он шарахнулся, как подбитый зверь.

– Убирайся, – повторил он надломленным голосом.

На этот раз она повиновалась.

Ужинать Адам собирался у себя. Это случалось крайне редко, ведь никому из персонала, даже домоправительнице, не позволялось заходить в восточное крыло, которое он некогда делил с Иантой.

Такими темпами Белль будет решать, чем ему заниматься в собственном доме. Внешний мир был закрыт для него достаточно долго, но он не позволит собственному замку закрыться от него.

Адам думал, что Белль не захочет с ним ужинать, поэтому крайне удивился, увидев ее в столовой на вчерашнем месте.

После поцелуя в библиотеке и сцены в кабинете Ианты он думал, что она закроется в своей комнате. Но не тут-то было.

– Надеюсь, сегодня подадут пирог, – вместо приветствия, сказала она.

– Сделай заказ, и Афина лично проследит за исполнением, – ответил он, садясь рядом.

Белль неподвижно сидела, уставившись в пустую тарелку, пока не принесли курицу с овощами. Какое-то время они ели в тишине, которую нарушал лишь скрежет серебряных приборов. Потом она тяжело вздохнула.

– Собираешься что-то сказать? – спросил он, невольно прочитав ее мысли.

– Знаю, ты не хочешь, чтобы я об этом говорила, но мне тяжело держать все в себе.

– Да ну? У других почему-то получается. Может, секрет в самодисциплине? Ладно, выкладывай, что у тебя там.

– Я не хочу слушать лекции о самодисциплине, Адам.

То, что она обратилась к нему по имени уже второй раз, оказалось для него ударом под дых. Когда последний раз к нему обращались по имени?

В основном он слышал «господин» или «ваше величество». Никто не называл его Адамом, кроме друзей, и то по телефону.

– У меня вообще-то есть титул, – неуверенно произнес он.

– Хорошо, буду использовать его.

– Да нет, не надо. Тебе предстоит сыграть роль моей возлюбленной,

так что ты должна быть со мной немного фамиллярна.

– Я хотела извиниться, Адам. Теперь я понимаю, почему ты лишил моего отца свободы, почему деятельность папарацци запрещена на острове, почему ты не проявил терпимости... Ведь ты потерял в аварии жену.

– Я ее не терял, – проскрежетал он. – Она умерла. Когда ты кого-то теряешь, его можно найти. Ианта не потерялась. Я никогда не найду ее под диванной подушкой в один прекрасный день.

Белль покачала головой, и по ее щеке скатилась слезинка, которую она тут же смахнула. Адам был поражен. Какую-то девчонку растрогала его боль?

– Да, это звучит ужасно, – сказала она, закусив губу. – То, что твоя жена мертва. Представить себе не могу, каково это... И она же была...

– На восьмом месяце, – закончил он. – Наш сын тоже умер.

Ее тонкие пальцы сжались в кулак.

– Лучше бы я узнала об этом лично от тебя.

– Почему? – Адам откинулся на спинку кресла. – После этого я бы перестал быть чудовищем? Или ты перестала быть пленницей? Увы, нет.

– Я бы тебя поняла! Хотя бы немножко.

– Ну и что бы ты поняла? – сухо произнес он, но в груди у него все сжалось.

Белль хотела его понять. И вдруг она сможет...

– Мужчина на фото... Он не был чудовищем.

– Он был самым знаменитым принцем в Европе, – фыркнул Адам. – Прославленный своими взглядами и нравом. Теперь он мне чужой.

Адам с трудом вспоминал того человека, да ему и не хотелось вспоминать.

Иногда по вечерам он бродил по залам дворца, бесконечно прокручивая в памяти тот страшный день, и все заканчивалось пьяными выходками в той комнате. Все заканчивалось разбитыми вещами. Разбитыми, как его жизнь.

– Он часть тебя, Адам, – прошептала Белль.

– Нет. – Адам покачал головой. – Он мертв, как и все вокруг.

– Ты тоскуешь, – мягко сказала она. – Но по-прежнему дышишь. – Сталь ее голубых глаз противоречила ее нежному голосу.

– А ты кого-нибудь теряла?

– Я могу потерять отца. Мать для меня не существует в принципе. Духовная потеря, если можно так выразиться. В чем-то она гораздо хуже. Если папа умрет, это не значит, что он решил меня оставить. А вот мать... Мать меня не хотела. И это совсем другая боль.

– У тебя на руках никто не умирал. Что ты можешь знать о моей боли...

Белль откашлялась:

– Ты прав. Я не знаю.

Протянув к нему руку, она вложила свои длинные пальчики в его ладонь. Ее кожа оказалась такой горячей! А в его душе застыла вечная мерзлота.

Белль решила отстраниться, но он накрыл ее ладонь другой рукой. Ему не хотелось прерывать контакт. Его тело напряглось, и по венам потекло жидкое пламя, растапливая лед.

Белль облизнула нижнюю губу, которая стала блестящей и соблазнительной. Он все не мог забыть их поцелуй. Как он исследовал ее рот, пробовал ее на вкус. В этом было что-то магическое. Чего он очень давно не испытывал. Касаться другого человека, нуждаться в нем. По крайней мере, физически. К этому Адам был уже готов.

Он слишком долго сидел дома один и не делал ничего, чтобы удовлетворить возрастающее желание. Ему хотелось прикосновений, хотелось женщину. Полностью игнорируя свою страсть, он убедил себя в том, что вообще не способен ее испытывать.

– Но я хотя бы попыталась понять тебя, – пробормотала Белль.

Он взял ее за подбородок и посмотрел ей прямо в глаза. Она была прекрасна, как цветок. Прекрасна, о чем говорило и ее имя. В ней были искренность и благонравие. Она даже особенно не красилась, хотя персонал мог доставить ей любую косметику.

У нее были розовые губы и румяные щеки. Как лепестки роз на свежавыпавшем снегу. Ему хотелось собрать их и присвоить себе.

Когда-то Адам коллекционировал красивые вещи. Наслаждался ими. Но его потребность в Белль имела другой характер. Ему нестерпимо хотелось обладать ею.

Он вдруг осознал, что не хочет выводить ее в свет и выставлять на всеобщее обозрение. С гораздо большей охотой он бы уединился с ней во тьме и дал волю открывшейся в нем страсти, бездонной и бесконечной. Возможно ли было ее удовлетворить?

Проведи он пару часов в темноте наедине с Белль, он бы нашел ответ.

Адам нагнулся, Белль что-то пропищала в знак протеста, но уверенный поцелуй остановил ее. Если это и был протест – на поцелуе он никак не отразился. Девушка не отстранилась. Напротив, она прильнула к нему и еле слышно ахнула.

Он по-прежнему держал ее за подбородок, и его язык скользил по ее

сомкнутым губам, пока те не раскрылись.

Когда он прервался, чтобы перевести дыхание, она задрожала, и ее щеки заалели.

– У меня ведь есть парень, – хрипло произнесла она. – А я у тебя в плену.

– Да, это проблема, – медленно проговорил он. – Для тебя. Но не понимаю, почему меня должны смущать оба этих факта?

– Они тебя и не смущают...

– Я могу сделать твое пребывание здесь более приятным для нас обоих.

Белль покачала головой, отпрянув и высвободив руку.

– Мы вообще-то собирались поужинать.

На лицо ей упала прядь волос, но она ее не убрала. Адам внимательно посмотрел на нежный изгиб ее шеи, упрямый подбородок, небольшую горбинку на носу. Больше за ужином он не проронил ни слова. Его пленница начала брать над ним верх.

Длительное воздержание плохо сказывается на мужчинах, а в своем горе Адам разрешил себе забыть о физических потребностях.

– А что тебе нравится? – вдруг выпалил он.

Она удивленно заморгала:

– О чем ты?

– Чтобы идеально сыграть роль, мы должны выглядеть сплоченными. – Интересно, когда это он решил воплотить такую тактику? Наверное, когда впервые коснулся шелковистой кожи Белль. – Нам ведь могут не поверить. Отсутствие искры... Думаю, это наименьшая из наших проблем. Ты была бы рада, если бы моя авария окончилась полной катастрофой, у тебя на лице написано.

Белль поерзала в кресле.

– Поразительно! По-твоему, я должна вести себя легко и непринужденно? Да, я перед тобой виновата...

– Тебе не понравился поцелуй, потому что ты испытываешь ко мне жалость, – буркнул он. Хотя понимал, что она не из-за жалости таяла от его прикосновений.

Но вспомнит ли он, как распознать возбуждение?

– Не лучшая тема для обсуждения.

– Просто тебе стыдно. – Он смерил ее долгим взглядом. – Ты стыдишься моего лица?

– Нет, – чересчур поспешно ответила Белль. – Просто я... Казалось бы, это я должна на тебя злиться. У меня ведь есть парень. Он очень милый, он

мне нравится. Ты спрашивал, что мне нравится? Мне нравится Тони.

– Твои щеки не розовеют, когда ты говоришь о нем. Они розовеют, когда ты смотришь на меня. Когда я тебя целую.

– Я краснею, когда выхожу из себя, – заявила она, вздернув упрямый подбородок. – Вот и все.

– Дело не только в гневе, Белль, хотя и он присутствует. Скорее, ты злишься сама на себя. Потому что хочешь меня. – По его телу пробежала сладострастная волна. Он через силу выдавил самоуверенную фразу. А ведь раньше не сомневался в своем успехе у женской аудитории.

– Нет, – прошептала она. – Я люблю Тони. И я люблю книги. Я не люблю зловещих принцев-затворников.

– Ну конечно нет! – иронично воскликнул Адам. – Конечно, я не нравлюсь тебе ни капли. Ты просто меня жалеешь. И по-моему, ты бы с удовольствием выразила свою жалость несколько иным способом.

Белль дернулась, как от удара, и Адам даже пожалел, что начал издали, когда надо было действовать увереннее. Девчонка все усложняла. Она хотела его, но почему-то упорно это отрицала. Да, у нее есть парень, но он ведь в Калифорнии. И если бы Тони был хорошим любовником, она бы не оказалась столь легкой добычей для Адама.

В браке он запросто отказывался от развлечений на стороне. Он любил жену, и больше его никто не прельщал. Однако сейчас его прельстила Белль.

– Ты и правда чудовище, – сказала она, вскакивая.

Он поймал ее за запястье и остановил.

– А что ты так переживаешь? Тебе хотелось меня исправить? Или ты думала, что твое пребывание здесь как-то на меня повлияет, а теперь осознала, что это бесполезно? А может, ты и так мной довольна? По крайней мере, тело твое точно довольно.

– Тело всегда принимает неверные решения. Мой отец хотел мою мать, но она оказалась ужасной, жестокой женщиной, которая бросила родную дочь. Извини, но твой аргумент неубедителен. То, что мне понравилось с тобой целоваться, еще не значит, что ты нравишься мне как человек. Закрыли тему.

Белль высвободила руку и стремительно направилась из столовой. Выскочив из-за стола и опрокинув кресло, Адам бросился за ней.

Настигнув ее, он перегородил ей путь. Она шагнула назад и прижалась к стене. Ее голубые глаза сверкали, грудь тяжело вздымалась.

– Нет, не закрыли. Между нами вспыхнуло пламя. Когда ты появилась здесь, весь остальной мир словно исчез. Если бы мы оказались последними

людьми на земле... Неужели ты не пожалела бы о том, что не попробовала, каково это – сгореть в моих объятиях?

Она покачала головой:

– Но мир никуда не исчезал. – Губы Белль побелели, хотя всего пару минут назад были алыми. – Все, что произойдет здесь, будет иметь последствия. Я помогу тебе, Адам, но мы не станем любовниками. Я не позволю разрушить свою жизнь. Ты мне чужой и останешься чужим.

Белль развернулась и ушла, и на этот раз Адам не последовал за ней.

Глава 6

Пленнице не спалось. В уютной спальне стояла роскошная кровать, но после очередной стычки с Адамом Белль не удавалось расслабиться. Не потому, что она его боялась. Если бы он хотел взять ее силой, он бы уже это сделал. Ее страшили не насилие, а соблазны.

Она задрожала, встала с постели и отправилась исследовать гардероб. Вчера Фос принес одежду, она надела удобный костюм, а потом, после ужина, наугад вытащила пижаму.

Ей вдруг пришло в голову, что покупка одежды – это часть игры.

Личный консультант принца Олимпиоса приобрел целый женский гардероб – отличная почва для слухов.

Нарядов было очень много. От кружевного белья до изысканных вечерних платьев. Она не верила своим глазам. Одна вещь прекраснее другой. Изысканные тонкие ткани, к которым было страшно прикоснуться. А прикоснувшись, невозможно оторваться.

В Южной Калифорнии они с отцом жили по-простому. Белль ходила в шортах и сланцах, а для школы переодевалась в джинсы.

Она привыкла к обычной жизни на Западном побережье США. К такому она не была готова.

Из вороха одежды Белль вытащила футболку такого отменного качества, что ее легко можно было преобразовать в нарядный комплект. К ней Белль подобрала черные штаны до щиколоток и слипоны.

Убрав волосы в конский хвост, она посмотрела на себя в зеркало.

– Вылитая Одри Хепберн, – сказала она себе.

Интересно, почему это ей стало важно хорошо выглядеть? Вообще-то Белль изо всех сил делала вид, что ей все равно, поэтому и выбрала самый неброский наряд. Чего доброго, Адам решит, что она для него разоделась.

Он казался полудиким. Судя по его жуткому поведению за столом, он уже не помнил, каково это – находиться в обществе. Впрочем, о его трагической судьбе Белль не могла думать без боли.

Не каждый вынес бы то, что вынес принц. В одну ночь потерять жену, ребенка, будущее... Слишком много трагедий для одного человека, и, конечно, последствия были неизбежны. Он изменился, целиком и полностью. Настолько, что Адам из прошлого перестал для него существовать.

У Белль екнуло сердце, и, приложив ладонь к груди, она выскочила из

спальни и бросилась на кухню. Соблазнительная перспектива – постоянно сидеть у себя в комнате, скрываясь от Адама. Но тогда она почувствует себя настоящей пленницей. Нельзя сходить с ума.

Несмотря на трудности, она должна продолжать общение с Адамом. Чтобы достойно сыграть свою роль на вечеринке. Чтобы он увидел в ней личность, а не просто средство к достижению цели.

Или к удовлетворению потребностей...

Задрожав, Белль обхватила себя руками и продолжила свой путь в сторону кухни.

Минуя лабиринты залов, она дошла до угла и остановилась как вкопанная, потому что там стоял Адам – величавый, немного пугающий. Но не такой, как в первую встречу. Теперь она смотрела на него другими глазами.

– Вот ты где, – сказал он, сверкнув глазами.

По ее телу пронеслась странная жаркая волна.

– Ты меня искал?

– Уже собирался.

Она переступала с ноги на ногу.

– Я хотела выпить кофе...

– Придется подождать.

– Да перестань! Кофе не может ждать!

– Меня подождет. Я же принц Казарос.

Не выдержав, она рассмеялась, но его хмурый вид оборвал веселье.

– Ты что, смеешься надо мной? – буркнул он.

– Есть такое. Уверена, это пойдет тебе на пользу!

– Спорное утверждение. В любом случае я хотел тебе кое-что показать.

И я не собираюсь стоять здесь вечно и препираться с тобой. – Он протянул руку. – Пойдем.

Ее глаза широко раскрылись от удивления.

– В тебе вдруг проснулись хорошие манеры?

– Да, и проснулись не только они.

– А что же еще? – спросила она, с опаской вкладывая пальцы в его большую ладонь.

– Желание.

Белль вдруг дернулась, но он успел поймать ее руку. Под буравящим взглядом его темных глаз она и правда как будто горела. Изнутри.

– Даже не знаю, что на это сказать, – пробормотала она.

– Вот! Отличная тема для обсуждения. Похоже, я впервые возмутил тебя настолько, что ты язык проглотила. По-твоему, в изоляции я соблазняя

женщин?

– Девушкам нравится думать, что они первые, Адам, но вряд ли до меня в твоём замке не было пленниц.

– А зря. Пока твой отец не проник во дворец, ни одна живая душа не попыталась вырвать меня из заточения. Когда пресса поняла, что скандал раздуть не удастся, меня оставили в покое. Может, ещё потому, что аварию спровоцировал репортер. Кстати, это не первая автокатастрофа, в которой пострадали члены королевских семей. Пора что-то менять.

Белль признавала, что закрывала глаза на все недостатки, связанные с работой отца. Ведь она обеспечивала их куском хлеба. Несмотря ни на что, она считала отца порядочным человеком, который работал не покладая рук. Но иногда дело заходит слишком далеко: журналисты подвергают людей опасности, и это стоит им жизни... Адам совершенно прав: это пора менять.

– А знаешь... – сказала Белль, держась за его руку, в то время как он вел ее по незнакомому коридору. – Отец не всегда работал папарацци. Он много путешествовал по миру и снимал разные события. Потом он взял меня под опеку, и поездки прекратились. Надо сказать, такие снимки не приносят денег. Людям не нравится видеть, каким гадким бывает мир, они охотнее любуются на ярких и красивых знаменитостей. И смакуют их недостатки, чтобы собственные минусы не казались им чересчур ужасными.

– Что ж, я точно дам им пищу для пересудов. Немного трагического порно к ужину.

– Ты помог мне увидеть ситуацию с другой стороны, – возразила Белль. – Иногда фотографы переступают черту ради снимка, но сейчас ты никак не защищаешь свою личную жизнь, и никто на тебя не посягает. Они не имеют над тобой власти только потому, что знают твоё имя.

– Ну спасибо за одобрение. Без тебя я бы не узнал, что имею право на личное пространство.

Белль остановилась и топнула ногой.

– Я пытаюсь до тебя донести, что ты меня переубедил! Мог бы, кстати, отреагировать по-доброму!

– А ты не жди от меня хорошего, – огрызнулся он.

– Как скажешь, – фыркнула она.

Они остановились у двойных дверей в конце коридора, и Белль вопросительно посмотрела на Адама.

– Хочу кое-что показать, – сказал он и, надавив на дверь ладонями, распахнул ее.

В комнате было темно. Окна от потолка до пола закрывали шторы. Адам повернулся, нажал на кнопку, и с легким шелестом ткани тьму прорезала полоска света. Шторы начали раздвигаться, и за ними показались книжные полки, которые простирались от высокого сводчатого потолка до мраморного пола, и, чтобы можно было достать фолиант с верхней полки, через каждый метр стояли лестницы.

– Где это мы? – выдохнула Белль.

– В библиотеке.

– Но я же вчера уже была в библиотеке? – Она с благоговением осмотрелась.

– В замке их много. Это центральная, здесь хранится вся история моей семьи, история страны. А также великие произведения литературы, мировая классика. Вот тут современная беллетристика... Популярные и малоизвестные книги. На этих полках хранится все, что когда-либо было написано.

– Но... зачем ты мне это показываешь?

Белль посмотрела на его израненное грубое лицо. Оно ее больше не пугало, и рытвины на коже не казались ей уродством. Они были просто частью Адама. В его бездонных глазах скрывалось столько боли... Эта боль разбередила ей душу.

– Ты упоминала, что любишь книги, – сухо произнес он.

– Люблю, – пробормотала Белль, робко подойдя к ближайшей полке, и провела пальцем по корешкам, рассматривая собрание. – А еще я упоминала, что люблю своего парня, – сказала она, отчаянно сопротивляясь бурлящим эмоциям. – Но я по-прежнему не могу с ним связаться.

– Печально. Но это по-прежнему неосуществимо. Кстати, я обратил внимание, что ты куда больше восхищаешься книгами, чем своим парнем. Да и выглядишь более возбужденной, когда целуешься со мной, а не когда рассказываешь о Тони.

– Дело не в возбуждении, – отрезала она. – Я просто волнуюсь. Он ждет меня, он обо мне заботится, и он... в общем, в нем я уверена. Нас ждет совместное будущее, после того как я закончу учебу. – Белль не сказала о том, что ни разу не испытывала с ним взрывной страсти, как с Адамом. Если бы она испытывала к Тони хотя бы половину такой же страсти, как к Адаму, то уж точно не осталась бы девственницей. Противостоять напору своего грозного и пугающего тюремщика, совершенно не в ее вкусе, было необычайно тяжело. При этом она почти год сопротивлялась Тони.

Адам не ошибся. Книги интересовали ее куда больше Тони. «И это

проблема», – подумала она.

– Страсть – основной компонент любви, – произнес Адам. – Если не любви, то жизни точно. Моя жизнь как раз лишена страсти. Она мрачна и замкнута. Вот ты никого не теряла, у тебя этой страсти должно быть полным-полно. Так где же она?

– Я убеждена, что страсть – это не главное. Например, моя мама, довольно известная личность... Она дочь знаменитой актрисы. В сущности, мама заплатила, чтобы упрятать меня куда подальше. Отец мог выставить ее на публичное осмеяние, но тогда мое имя обсуждали бы в прессе, а он этого не хотел. – Белль засмеялась. – Скорее всего, он прекрасно понимал, что иначе нарушил бы мое личное пространство. Матерью управляли страсти: она брала от жизни все и от души веселилась. А на обязанности ей было плевать. Она не хотела заботиться о собственном ребенке. Поэтому мне хочется спокойствия и постоянства. Я предпочту надежность, а не капризную страсть.

– Похоже, ты чувствовала себя брошенной... – Его голос дрогнул. – Я тебя недооценивал. – Адам покачал головой. – Сейчас я не имею ни малейшего желания снова испытать духовную привязанность. Растоптанные надежды лучше не возрождать. А вот плотские удовольствия... – Он шагнул к ней, хищно сверкнув глазами. – Когда они тебя подхватывают и сжигают... Вот по таким ощущениям я скучал. Ты испытывала когда-нибудь такую страсть, а, Белль? Как твой парень тебя зажигает? Он, наверное, слащавый серфер? Или манекенщик с нежными ручками? С тощей грудью и впалыми щеками? Калифорнийский стиль, да? А этот милашка знает, как с тобой обращаться?

Его голос становился резче.

– Меня милашкой точно не назовешь, но я знаю, как тебя лучше трогать. Библиотека – мой самый скромный подарок. Я заставлю тебя забыть свое имя, пока ты будешь выкрикивать мое. Тони так умеет? Три года у меня не было женщины. Моя жена... Она была прекрасна. Я ее любил. Но я устал от пустой постели. Устал сдерживать внутренний огонь. И я подозреваю, что ты не меньше меня этого хочешь.

Белль не могла дышать. Она была поглощена моментом, поглощена Адамом и огоньками пламени, которые охватывали ее с каждым произнесенным словом.

Она боялась не его, а себя. Впервые в жизни ей захотелось совершить что-то безрассудное. Что-то неправильное. Она всегда была благодарна отцу за размеренность, потому что помнила, каково ей жилось с матерью. Белль пребывала в абсолютном хаосе, пока папа не вырвал ее оттуда и они

не переехали в маленькое бунгало на берегу океана. Папа любил ее просто за то, что она есть, и принял ее с удовольствием.

Когда Белль познакомилась с Тони, он показался ей идеальным: приятным, заботливым, терпеливым.

Адам не обладал ни одним из этих качеств, но все-таки она боялась, что очень скоро ее накроет нечто похожее на похоть...

– Тони очень славный, – неуверенно пробормотала она.

– В постели он тоже очень славный?

В его словах слышалась издевка, а не комплимент.

– Ну, он меня уважает...

– О как! Это то, о чем я подумал? Он тебя не хочет? Не хочет так, как я? Уважает он тебя... Именно с таким оправданием женщины и терпят унылую интимную жизнь. – Адам засмеялся. – Уважение равно сексу раз в неделю, который длится меньше, чем сентиментальный сюжет в вечерних новостях.

Щеки Белль залила краска.

– Ничего подобного!

– Когда мужчина поклоняется телу возлюбленной, это почему-то не называют уважением. Когда он жаждет ее так сильно, что его больше ничто не удовлетворяет. Если твой любовник тебя уважает, он должен доводить тебя до дрожи в коленях и хрипоты в горле, потому что ты будешь кричать его имя всю ночь напролет.

Белль не стала уточнять, что Тони уважает ее желание повременить с интимом. Почему она это утаила? Наверное, потому, что мысли смешались и составить внятный ответ не представлялось возможным.

Белль не хотела сообщать, что она почти ничего не знает о сексе. Даже нелепо, что она до сих пор хранила девственность. И в этом была виновата мать.

Белль инстинктивно гнала от себя мысли о сексе, связывая уход матери со страстью. Страстью к жизни, мужчинам, деньгам, красивым вещам и тусовкам, которые нарушали спокойную жизнь маленького ребенка. Белль с самого детства затаила сильнейшую обиду на мать.

Поэтому она цеплялась за свою совершенно обычную жизнь и была счастлива, что имела. Порыву ветра с океана, книге в руке.

На свидания с Тони она ходила ради эксперимента. Ей нравилось его общество, нравилось с ним целоваться, но от дальнейшего она увиливала – из-за страха.

Этому страху она даже не могла дать название. Но теперь поняла, что это. Адам пробудил в ней огонь, который никогда не угаснет, если его

распалить.

Белль было страшно потерять себя. Забыть, кто она, к чему она стремилась. Последовать примеру матери, которая из-за всепоглощающих страстей забыла о самом главном.

Несмотря на внутренний протест, Белль почему-то не убегала. Она стояла в библиотеке, Адам нависал над ней с горящими глазами, а она даже не пыталась отстраниться.

Ей хотелось, чтобы он взял ситуацию в свои руки. Чтобы все зависело не от нее. Ей было страшно решиться на последний шаг. Сократить дистанцию. Признаться самой себе, чего она по-настоящему хочет. Узнать, как Адам заставит ее выкрикивать его имя ночью...

Мыслимо ли это? Ведь Адам взял их с отцом в плен! Ведь в Калифорнии ее ждал милый, славный, терпеливый Тони! Что она могла испытывать к этой мрачной, истерзанной душе перед ней?

Наверное, она просто дошла до последней точки...

В этом замке, отрезанном от внешнего мира, Белль оградила себя от учебы, друзей, книг, от своего парня. От родного берега и легкого ветерка.

Она находилась во владениях Адама, в островном государстве, где ветер с ревом носится среди скал и горных пиков, огибают башни дворца и пробуждает беспокойство, а не безмятежность.

Словно Олимпиос существовал за гранью реальности, как в настоящей сказке.

Или как в мечте, которую Белль никогда бы не исполнила.

– Мне нравится, когда ты произносишь мое имя, – негромко сказал Адам, и по ее телу пробежали мурашки. – И мне бы понравилось еще больше, если бы ты произнесла его в постели.

У Белль пересохло во рту. Она облизнула губы и вспомнила, как он проводил языком по ее губам, когда целовал ее.

Она неосознанно привлекла его внимание, и он посмотрел на ее рот. Чего же она добивалась?

Белль хотелось сбросить с себя всякую ответственность. Но если быть совсем честной... Ей вообще не хотелось ни о чем думать.

Адам погладил ее по подбородку, вынуждая поднять голову. Кончиками пальцев провел по линии челюсти, потом по нижней губе. Затем он коснулся ее скулы, нежной ямки за ухом и перешел к шее, отчего Белль затрепетала.

Прикосновение его мощных ладоней к такому деликатному месту должно было ужаснуть ее или, по крайней мере, отпугнуть. Какое там! Напротив, ей захотелось раствориться в его прикосновениях и вдохновить

на более решительные действия.

Она купалась в его силе и мощи, и никакого разумного объяснения этому не находилось.

Их взгляды встретились. Глаза Адама на той фотографии лучились от счастья, а теперь были мрачны. Белль подняла руку и коснулась его грубой щеки, а потом отдернулась.

Адам крепко сжал ее пальцы и положил их на то место, где они были. При этом на его лице застыло требовательное выражение.

Они стояли друг напротив друга, и обе ее ладони были прижаты к его лицу. Большими пальцами она коснулась уголков его губ, и из его груди вырвался рокошующий звук – нечто среднее между урчанием и рыком.

Белль снова коснулась его шрама, но на этот раз не отпрянула. Адам притягивал ее. Он заставил ее забыть о замкнутости и задать вопрос самой себе – о том, чего она по-настоящему хочет.

Положив руки ей на бедра, Адам прижал девушку к себе, а она продолжала ласково гладить его лицо.

Ее палец скользнул по грубому шраму, который пересекал бровь и задевал край глаза.

– Ты хорошо видишь? – спросила она.

– Да, мне повезло. Хотя про аварию трудно сказать «повезло»...

– Если бы ты потерял зрение, было бы гораздо хуже.

– Честно, я бы не переживал. До недавнего времени смотреть мне было не на что.

Белль стало приятно. Разве Тони когда-нибудь делал ей такие комплименты? Даже если делал, они ей не запомнились. Да и поцелуи с ним напрочь стерлись из памяти.

Однако она до мельчайших подробностей помнила, как целовался Адам. Это было нечто совершенно новое.

– Находясь во мраке, я уже и забыл, что могу видеть, – признался он. – Ты и твоя красота напоминают мне об удовольствиях, которые остались в мире.

Адам имел в виду секс. Конечно, не могло быть и речи о серьезных и продолжительных отношениях. В любом случае она не могла оставить свою прежнюю жизнь, отца... Выйти замуж за принца маленькой островной страны? Которого она едва знала? Ни за что.

– Адам... – пролепетала она, не зная, что еще сказать.

Эмоции захлестнули ее. Белль хотелось сказать, что он вовсе не уродлив. Может быть, он и правда был чудовищем, но сейчас ее это не заботило. Слова исчезли, но страсть лишь усилилась. Держа лицо в

ладонях, Белль встала на цыпочки, склонила его голову к себе и прижалась губами к его губам.

Мгновение спустя Адам взял ситуацию под контроль. Он крепче обхватил ее за талию и прижал к книжной полке, которая впилась ей в поясницу, но Белль не обратила на это никакого внимания. Сейчас ее волновали лишь его жаркие цепкие губы.

Его руки были очень активными. Он провел ладонями по ее изгибам, обхватил ее груди и большими пальцами накрыл соски. Охнув, она выгнулась, даже не заметив того, что угол книги врезался ей в плечо.

Ни один мужчина так не ласкал ее...

Ведь она девственница, она должна хотя бы... испытывать страх перед первой близостью. Но никакого страха она не испытывала. Ее словно затягивало в какой-то сумасшедший водоворот.

Его ладони спустились вниз, он прижал ее бедра к своему напряженному телу, к наглядному свидетельству его страсти. Она сцепила руки за его шеей и прижалась к нему теснее.

Его пальцы скользнули под ремень ее джинсов, и с замиранием сердца она следила, как они пробираются к ее шелковым трусикам. Между ног у нее стало влажно. Интересно, Адам ощутил это сквозь белье?

Белль забыла и о страхе, и о смущении. Оставалось лишь ослепительное желание, которое Адам пробуждал в ней своими прикосновениями. Проникнув к нему, Белль двигала бедрами одновременно с движениями его руки.

Белль не переставая дрожала, а Адам продолжал атаковать ее, медленно и страстно целуя, лаская ее языком. Он поглаживал ее между ног, усиливая возбуждение до предела.

Проникнув под ткань трусиков, его палец нащупал влажное лоно и не спеша двинулся вперед, для облегчения используя ее смазку.

И тут Белль сдалась. Она резко дернулась, и ее накрыли волны оргазма, а потом по телу разлилось наслаждение. «Больше не могу», – подумала она, но вслух не сказала ни слова.

Адам подался вперед и погрузил палец глубже – до того неожиданно, что она вскрикнула.

Белль словно разорвало, и она превратилась в какие-то искрящиеся блестки, выкрикивая его имя вновь и вновь, цепляясь за его плечо, пока ее не поглотило чувство освобождения, полностью обессилив тело.

Когда все кончилось, ее горло болело от бесконечных криков.

Усилием воли Белль посмотрела в глаза Адама и покраснела, увидев в них неприкрытый голод. Теперь все было ясно! Почему женщины теряют

голову от страсти, почему проводят ночи с такими, как Адам, и забывают обо всем.

Она вырвалась из его объятий и отстранилась.

– Трудно дышать, – выдохнула она.

Он отпустил ее и отошел, подняв руки, словно хотел доказать, что не посягает на ее свободу.

Глаза Белль наполнились слезами. Она почувствовала себя голой, хотя была полностью одета. Адам не видел ее тела, но узнал нечто более интимное – то, что она старательно скрывала даже от себя.

– Хочу кофе, – выдавила она.

И рванула из комнаты, оставив позади первого мужчину, с которым познала страсть. Первого, кто заставил ее перестать бояться саму себя.

Белль подумала, что, ведя себя таким образом, окажется ничуть не лучше своей матери.

Глава 7

Следующие пару недель Белль довольно ловко избегала Адама. Но он и сам предпочел не лезть к ней. Он сосредоточился на будущей награде – триумфе, который ожидал его на вечеринке.

Наместник сообщил, что появление Адама взбудоражит общество, и намекнул о возвращении на трон.

Все шло по плану.

Кроме спешной публикации последних фотографий.

Однако снимки оказались плохого качества, и на фоне сенсации, которую произведет Адам, они не нанесут большого ущерба.

Главное – не допустить, чтобы на вечеринке Белль смотрела на него с ужасом – как тогда, в библиотеке. Непонятно, то ли она испугалась его, то ли не ожидала от самой себя, что с упоением растворится в объятиях чудовища. Мало того что Адам был некрасив, так еще и совершенно не совпадал с ее представлениями о любимом мужчине.

Только сейчас он наконец пожалел о потере эффектной внешности, которая сильно бы ему пригодилась для соблазнения Белль.

Конечно, способов соблазнения миллион, но они оставили его неудовлетворенным. Если бы он мыслил прямолинейно, то сразу сорвал бы с нее одежду и овладел ею. Может, тогда им было бы легче договориться.

Принц с хмурым видом расхаживал по комнате. Вечеринка Филипа состоится сегодня, и Адам впервые за много лет надел смокинг, сшитый на заказ на прошлой неделе. Последние три года он только и делал, что занимался спортом, и его мышцы так сильно увеличились, что старый смокинг оказался ему мал.

Пока Фос поправлял ему галстук, Адам разглядывал себя в зеркале.

Когда-то он имел аристократичный вид под стать смокингу. А теперь, даже несмотря на заказной костюм, выглядел как ряженая пантера.

Что ж, логично. Разве легко вернуться к прежней жизни с такой физиономией?

– Тебе стоит быть помягче с девочкой, – пробурчал советник себе под нос, стряхивая пылинку с его смокинга.

– Я и так ей библиотеку подарил, – возразил Адам.

– Ну-ну. Она по-прежнему пугается тебя.

– Я монстр, ты не знал?

– Монстром тебя делает не внешность.

- Я, кажется, не просил комментариев, – огрызнулся Адам.
- Но у вас сегодня первый выход в свет, и публика не поймет, если Белль будет выглядеть испуганной.
- Ничем не могу помочь. Я делаю все возможное в данных обстоятельствах. А обстоятельства таковы, что она – моя пленница.
- Фос кивнул:
- Понимаю, дело непростое. Но хотя бы попытайся вести себя как обычный человек. Это пойдет только на пользу Белль.
- Я, кажется, не просил помощи.
- Боже упаси.
- Адам фыркнул:
- Не думай, что я ей не нравлюсь. Наоборот, я нравлюсь ей слишком сильно.
- Мне тоже так показалось, – заметил Фос. – Но чем же ты ее завлечешь, если ее пугаешь?
- Многие женщины любят опасность.
- Но не такие нежные, как она.
- Да я и не хочу ей нравиться! – вспыхнул Адам. – Может, я просто решил затащить ее в постель? Это совсем другое.
- Вижу, ты принял решение навсегда остаться одиноким и несчастным. А мне показалось, что Белль смогла бы все исправить.
- Адам невесело улыбнулся:
- Прошлого не исправить. Теперь я хочу немного поразвлечься. И вернуть репутацию сильного и мудрого правителя. Большого я не прошу.
- Ну, а если бы попросил?
- Мне ничего не надо. – Адам взглянул на свое отражение, в котором видел лишь карту разрушений, причиненных жизнью. – По-моему, все и так прекрасно.
- Попридержи коней, – заметил Фос. – Прекрасно здесь только одно – и это существо зовется Белль.

Старик не ошибся и не преувеличил. Когда Белль появилась в золотом обтягивающем платье, сверкая, как драгоценность, а ее темные волосы волнами спадали на голое плечо, Адам получил удар под дых.

Чем больше он ее разглядывал, тем больше им овладевало возбуждение. За последние три года он никого не хотел так сильно. По правде говоря, за все это время она оказалась единственной женщиной, которую он вообще захотел.

Адам протянул ей руку, но Белль отпрянула от него.

– Ну же! – сам того не желая, рывкнул он. – На вечеринке ты не должна выглядеть напуганной.

– Я тебя не боюсь, – сказала она, шагнув к нему и зашелестев платьем. – Вот. – Она взяла его под руку. – Видишь?

Адам повел ее по коридору, освещенному ярче обычного. Входные двери были распахнуты настежь, снаружи ждала машина. Странное чувство, когда на тебя накатывает прошлое – жизнь, существующая теперь лишь в мечтах.

В его груди защемило, и он внезапно остановился.

– Что такое? – спросила Белль, ослепляя его голубизной глаз.

– После аварии я ни разу не садился в автомобиль. Если не считать возвращения из больницы домой, но тогда меня накачали лекарствами.

Она крепче обхватила его руку.

– Волнуешься?

Он покачал головой.

Все было как в тот вечер, когда он уезжал из дворца с Иантой. И вернулся обратно один. Авария вряд ли снова случится, Адам не был суеверен. И все же он невольно сравнивал две ситуации.

Что-то легонько коснулось его щеки, а потом к уголку его рта прижались горячие губы Белль.

– Я тебя не боюсь, – повторила она. – И сегодня все пройдет как по маслу.

Ее пальцы скользнули в его ладонь. Она взяла его за руку. Обыкновенный дружеский жест, без какого-либо сексуального подтекста, но Адам вспыхнул.

Его будоражило каждое ее прикосновение.

– Все в порядке, – мягко проговорила она.

На удивление легко он сел в машину и повел ее по извилистым дорогам, где произошла авария. На пути в аэропорт.

Белль разинула рот, когда услышала, что они полетят на частном самолете в Санта-Миларго.

– Я и не думала...

– Мы же на острове, – перебил он ее. – Или ты думала, что мы доберемся туда на машине?

Час спустя самолет приземлился в королевстве Санта-Милагро, расположенном между Португалией и Андалусией. На склонах гор мерцали огни города, отражая звезды, сверкавшие в бархатно-синем небе.

Когда открылись двери самолета и к трапу подкатил лимузин, Белль

раскрыла глаза от удивления.

– Похоже, это самая необычная поездка на вечеринку в моей жизни, – призналась она. – При этом на мне самое необычное платье, а рядом самый необычный мужчина на свете.

Адам усмехнулся:

– Считаешь меня необычным?

– Огромного мускулистого принца, похожего на Халка? Если честно, да!

Когда они сели в лимузин, воспоминания об аварии начали угасать. Он почти забыл о ней, когда прислонился к спинке сиденья и рядом устроилась Белль, по-прежнему держа его за руку.

Она успокаивала его, и это было даже забавно, ведь ей в сложившейся ситуации приходилось ничуть не слаще. Ему нравилось ощущать ее нежную кожу. Нравилось к ней прикасаться. А еще больше нравилось, что она сама к нему прикасалась.

– Сегодня мы не вернемся на Олимпиос, – как бы невзначай произнес он.

– Как так?

Дорога свернула, и вдали показались кованые ворота, которые распахнулись, когда машина приблизилась. Перед их глазами предстал дворец. В тысячу раз претенциознее, чем у Адама, и освещенный, так что напоминал золотой слиток.

– А так, – ответил он. – Переночуем здесь.

– Ух ты... Ну ладно. Кстати, забыла спросить. Как ты познакомился с принцем Филипом? Ходили вместе в школу принцев?

– У нас была обычная школа.

– Значит, принцы сами собой друг к другу притягиваются?

– Пожалуй. Но у нас есть еще один друг. И он совсем не принц. Раф вообще из бедной семьи. Образование ему оплатила благотворительная организация. Ты сегодня с ними познакомишься. Я представляю тебя своей... кхм, партнершей.

– Ты даже друзьям врешь?

– Разве это ложь?

Девушка побледнела.

– Но мы же не... занимались сексом.

– Есть к чему стремиться. – Лимузин остановился, и водитель открыл им дверцу. Адам протянул ей руку. – Вот тебе и тема для размышлений. Думай о приятном, когда будем заходить. Ты не должна выглядеть рассерженной. Сделай вид, будто мы только вылезли из постели.

Щеки Белль вспыхнули, и пока они шли по затейливо украшенной аллее, ведущей в зал, Адам ликовал. Казалось, он и правда совсем недавно выпустил свою спутницу из страстных объятий.

Когда они поднялись на верх лестницы, зал мгновенно стих. Распорядитель вытянулся по струнке и объявил:

– Принц Олимпиоса Адам Казарос и Белль Чемберлен из Калифорнии!

Белль крепко держалась за него, когда они начали продвигаться в зал. К такому вниманию она не привыкла. Да и Адаму тоже явно было не по себе.

Гости смотрели на него с раскрытыми ртами, и на их лицах застыли потрясение и жалость. А ему было все равно. Он был удивительно спокоен. Его сопровождала самая прекрасная девушка на свете, и какое-то странное могущество наполняло его тело.

Теперь народ его боялся. Адам ощущал небывалую уверенность в себе. Раньше все старались ему угодить, из кожи вон лезли, чтобы привлечь его внимание. А теперь он шел, и они расступались перед ним, как море перед чудом.

Адам и Белль направлялись в центр зала. Танцующие сторонились их, как будто боялись, что Адам схватит не в меру приблизившегося к нему гостя.

– Не хочешь потанцевать? – спросил он.

В ее глазах он не увидел страха. Конечно, она смотрела на него не так, как остальные. В ее взгляде читались трепет, удивление и даже немного восхищения, которое точно могло погубить Адама.

– Конечно, – ответила Белль.

Адам взял руку Белль в свою и привлек спутницу к себе. Положив ладонь ему на грудь, она прижалась лбом к его плечу, и они растворились в приятной музыке.

Гости кружили рядом с ними, хотя некоторые останавливались и смотрели на них, заинтригованные отношениями между увечным принцем и красавицей американкой, которая смотрела на него как на мужчину, а не как на диковинку.

Постепенно окружение отошло на второй план. Благодаря годам затворничества Адам сумел абстрагироваться от нелепой шумихи вокруг него. Давно он не видел такого скопления людей, света и звуков.

Но все это покрывалось туманом, когда он смотрел на Белль. Она завладела его телом и мыслями. Сегодня они должны провести ночь во дворце Санта-Милагро, и, если попросить Филипа предоставить им отдельные спальни, он не откажет.

Адам не будет ничего просить. Сегодня он намерен затащить Белль Чемберлен в постель. Этого все равно не избежать. К черту ее бойфрендов. К черту приличия.

Ее хрупкая рука казалась совсем крошечной в его ладони, но все равно выглядела органично. Ее золотое платье переливалось под светом огней, но наряд не затмевал ее красоты. Адам вспомнил слова Фоса. О том, что Белль могла бы разогнать тьму, в которой он находится.

Луч света – вот кем была Белль. Но его внутренняя тьма пожирала свет, а чувство вины и боль, засевшая в нем, заберут из Белль все соки. Он на это не пойдет.

На его руках однажды умерла любимая женщина, нельзя погубить еще одну.

Но это не значило, что он не может удовлетворить свою потребность в ней.

Когда музыка закончилась, Адам и Белль отошли в сторону. Он поднес к губам ее пальчики и поцеловал их. Краем глаза он заметил, что на них все смотрят, но уже с другим выражением лица.

Все шло, как планировалось. В нем наконец-то разглядели простого смертного, а не предмет жалости или страха.

Впервые в жизни он забеспокоился о заголовках, которые завтра будут украшать все мировые газеты. О том, что напишут про Белль. Месяц назад ему было все равно, что ей могут причинить боль. Ведь она заменила собой отца – все по справедливости.

Теперь же Адам задумался.

Ее мать была дочерью знаменитости. У самой Белль имелся парень, о чем она не переставала напоминать. Последствия для нее могут быть не самые приятные. Отнюдь не ласковыми словами описывают женщин, которые с легкостью соглашаются на близость с известными людьми.

Адам почувствовал укол совести. Но он не мог себе позволить лишнего. Он мог только исправить заголовки.

Сейчас ему лучше наслаждаться моментом, потому что завтра, когда на них обрушится реальность, а СМИ раздуют спектакль, завтра все изменится.

Белль уедет.

Он отпустит ее на свободу, выбора нет. Нельзя же держать ее в замке насильно.

Адам осмотрелся и заметил Филипа, беседующего с рыжеволосой красоткой в очень коротком блестящем платье. В одном из тихих уголков он обнаружил Рафа.

Раф, как всегда, держался в стороне. Он почти ничего не видел, хотя клялся, что иногда различает свет и тени. Насколько же серьезно дело обстояло на самом деле? Адам так долго пребывал в собственном аду, что оставил друга в его горе.

Адам предпочитал страдать в одиночку, и что-то ему подсказывало, что Раф хотел того же.

– Пойдем, – обратился он к Белль. – Пред ставлю тебя друзьям.

Зачем ему это? Неизвестно. Однако он уже шагнул через зал к Рафу.

– Белль, – сказал он, положив ей ладонь на поясницу. Как будто его друг мог оценить собственнический жест. – Познакомься с Рафаэлем Марели. Для двоих своих друзей он просто Раф.

Мужчина повернул к ней голову, но в его темных глазах застыла пустота.

– А для двоих друзей Адама Адам просто Адам, – пошутил Раф. – Приятно познакомиться.

– Белль Чемберлен. Мне тоже очень приятно, – сказала она, протянув руку.

И снова, повинувшись инстинкту, Раф медленно поднял руку, ища ладонь Белль. Затем он опустил голову и поцеловал ее пальцы, как до этого Адам. Принц Олимпиоса так и взвился от раздражения.

– Перестань, – сказал Раф, выпуская ладонь Белль, как будто почувствовал злость Адама. – Я не собираюсь уводить ее у тебя. Понимаю твои переживания. Раз ты нашел женщину, которая захотела приручить дикого зверя, я точно смогу с ней поладить.

– Адам! – раздался позади голос принца Филипа. – Ты все-таки приехал! – Он медленно оглядел друга. Последний раз они виделись, когда его шрамы еще не зарубцевались. Сначала Филип навещал его, но потом смирился с желанием Адама жить в одиночестве.

– Я же обещал, – произнес Адам. – Идти на попятную не в моем стиле.

– А это кто же? – спросил Филип, стрельнув глазами в девушку.

– Я Белль, – ответила она, приняв очередной поцелуй.

– Ему это не нравится, – сухо заметил Раф.

– Ты слишком догадлив, дружище, – сказал Филип. – И это твоя самая дурацкая черта! Ты многое теряешь.

– Где-то теряю, где-то нахожу.

– Ты в своем репертуаре, – махнул рукой Филип.

– Значит, сделал, что хотел? – спросил у него Адам.

– Ты про вечеринку? Ну да. Вот только отец не смог приехать из-за болезни.

– Вижу, твой народ не слишком опечален, – вставил Раф.

– Нет, конечно. Но вслух об этом не говорят. В ближайшее время я намерен занять трон. Полагаю, твоя женщина так же скрытна, как и ты, Адам?

– Я не собираюсь дублировать сегодняшние слухи, – с достоинством ответила Белль, и Адам ей поверил. Пусть она и дочь папарацци. Как радостно было осознать, что ей можно доверять!

– Ладно, – сказал Филип. – Раф у нас тоже любитель таинственности. Но мне пора к гостям.

– Пытаешься затащить какую-нибудь пташку в постель? – усмехнулся Раф.

Адам остолбенел. Ведь Раф не мог видеть Филипа в компании рыжеволосой красотки.

– Нет, конечно! Я не пытаюсь. Я достигаю цели сразу. – Филип собрался уйти, но остановился и в упор посмотрел на Адама: – Все не так плохо.

И он ушел. Лишь через мгновение Адам понял, что Филип имел в виду его лицо.

Он перевел взгляд на Рафа. Которого, само собой, не удивили перемены в его внешности. Раф потерял зрение еще до аварии.

Белль как-то обронила, что Адаму повезло сохранить зрение после такой страшной аварии. Раф ослеп, но, по крайней мере, сохранил лицо. Тем не менее Адаму показалось, что к своей внешности Раф теперь был безразличен. И не из-за слепоты. Причина скрывалась гораздо глубже.

– Я рад, что ты приехал, Адам, – сказал он. – А то как бы я узнал, что ты изменился?

Слова друга оказались настолько созвучны его мыслям, что Адам рассмеялся.

– А мне вот сообщили, что я стал чудовищем не из-за шрамов.

– Да-да, – шепнула Белль.

Адама почему-то это задело. Значит, она продолжала видеть в нем монстра.

– Ладно, возвращайся к своим размышлениям, – произнес Адам. – Филип сказал бы: «Женщины это любят». – Он взял Белль под локоть и повел обратно к танцполу.

– Готова к следующему танцу?

Не ответив, она придвинулась к нему.

– Раф слепой? – спросила она.

И правда, непосвященные могли и не заметить. Только не Адам,

который давным-давно знал Рафа и видел, как менялись его характер и поведение.

– Да, но не с рождения. Лет пять-шесть назад что-то произошло, и Раф получил черепно-мозговую травму, подробности до сих пор неизвестны. Я считаю себя закрытым человеком, но до Рафа мне далеко.

– А Филип, значит, душа компании?

Адам фыркнул:

– У Филипа наиболее проработанный образ. Из нас он вообще самый скрытный!

– А почему ты отгородился от друзей? На вид они отличные ребята.

– Чтобы остаться наедине со своим горем, – признался он. – И чтобы никто не пытался вернуть меня к жизни. Я хотел жить в своем горе вечно. Мои жена и сын умерли – это был сильнейший удар судьбы, который до сих пор ранит мое сердце. В такие моменты я не хочу никого видеть. Не хочу слышать, что все будет хорошо. Разве это возможно? Я хотел навсегда остаться во мраке и безнадежности, чтобы ощущать чудовищность их потери.

Белль помолчала.

– Понимаю, – коротко сказала она.

– Так ты считаешь меня чудовищем и внутри, и снаружи? – спросил он, непонятно зачем подняв эту тему.

– Внутри точно, – ответила она. – Думаю, ты должен знать, что я начала к тебе привязываться. – Ее щеки порозовели. – По мне уже заметно, что я считаю тебя неотразимым...

– Несмотря на это? – Он показал на свое лицо.

– Шрамы никуда не денешь, но они – это не ты. Во всяком случае, для меня.

Адам задумался.

– Но внутри я...

– А я не говорила, что внутри ты плохой. Ты... Притягательный. Я всегда ассоциировала страсть с недостатком самоконтроля и ненавидела это глупое чувство. До четырех лет я жила с мамой и помню, какой сумбур тогда происходил в ее мыслях. Мне это не нравилось. Но когда пришло время уехать, я чувствовала себя опустошенной. Потому что не знала другой жизни. Потому что мама меня предала. Как я тосковала! Я очень долго плакала по ночам. А когда прекратила истерики, во мне проснулась злость. Ты рассказывал об этом. Цепляясь за негативные эмоции, человек хочет удостовериться в том, что трагедия его изменила. И хочет понять, почему она произошла. – Белль пристально посмотрела на Адама. – Я

усвоила урок матери. И теперь никогда ни с кем не поступлю так, как она со мной.

Белль подняла руку и кончиком пальца провела по грубому шраму у его рта.

– Ты заставил меня взглянуть на страсть под другим углом, – продолжила она. – Чудовище внутри тебя, дикое существо, родилось из-за необходимости защищаться. Знаешь, это существо я могла бы найти и в своей душе.

Он быстро взял ее руку и прижался губами к нежной коже запястья. Его друзья не касались этого места. Оно было намного интимнее. Намного сексуальнее. Оно принадлежало ему. Белль принадлежала ему.

– Я помогу тебе его найти, – хрипло произнес он, напрягшись всем телом.

– Сделай это, Адам... – прошептала она. – Я хочу тебя.

Глава 8

Белль прекрасно понимала, о чем просит. Но она устала притворяться недотрогой. Пусть Адам возьмет дело в свои руки.

Когда в библиотеке он заставил ее тело дрожать и биться в конвульсиях, Белль предпочла сбежать, а потом усиленно игнорировала Адама.

Но сегодня она очутилась в прекрасной фантазии, на балу во дворце, и ее сопровождает принц, покоровший ее сердце. С Тони, так или иначе, придется разобраться. Конечно, она поступит ужасно, отдавшись другому, хотя почти год отказывала своему парню, но...

Но почему-то в объятиях Адама ей сразу становилось ясно: внутри ее сидел страстный и похотливый зверь.

Она устала притворяться, что не испытывает желания. Она цеплялась за стабильность, обеспеченную отцом, и за дисциплину, уверенная, что они защитят ее от очередной травмы. От боли, которую ей могут причинить. И вот она решилась на поступок, от которого пострадает по крайней мере один человек.

У Белль сжалось сердце. Был бы у нее телефон, она бы решила проблему сейчас, но ее изолировали от любых контактов с внешним миром. Возможно, и к лучшему, что она оказалась вдали от знакомой безопасной жизни.

Странно, но в плену Адама она почувствовала себя свободной. У него в замке она никому ничего не должна. Не обязана быть идеальной дочерью и примером для подражания. Она оказалась отрезанной от людей, для которых Белль Чемберлен была обычным книжным червем.

Здесь некому ее осуждать и третировать.

Она хочет Адама. И она его добьется.

– Адам, – с придыханием произнесла она. – Когда мы отсюда уедем?

Он зарычал, железной рукой обхватив ее за талию и прижав к себе.

– Сейчас. – В его голосе прозвучал металл под стать его телу, и Адам повел ее из зала.

– Нам куда? – спросила Белль.

– Полагаю, Филип подготовил комнату, которую я обычно занимаю, когда приезжаю в гости.

– И часто ты здесь оставался? Со своей...

– Нет, – быстро ответил он. – Мы никогда тут не ночевали. И я не

пытаюсь воспроизводить прошлое. Мой брак здесь ни при чем, клянусь.

У нее словно гора с плеч упала. Странно, почему? Адам захватил в плен часть ее души, которой еще никому не удавалось завладеть. Он ее разбудил. Но Белль не собиралась соперничать с его женой, которую он, судя по фотографии, любил безмерно. Его ждали большое будущее, радость и надежды, которые от него ускользнули. Не станет же она просить его забыть прошлое.

Белль не хотелось, чтобы он выкинул жену из своего сердца. Сейчас ей хотелось просто быть рядом с ним.

Гости и персонал пожирали их взглядом.

Адам на секунду остановился, вытащив из кармана телефон.

– Филип написал, что моя комната готова. Внимательный, ничего не скажешь.

– Наверное, он хороший друг, – предположила она.

Белль мучил вопрос, стоит ли рассказывать Адаму о своей неопытности. Но тогда она поставит под угрозу чувства, вспыхнувшие между ними. Он поменяет свое мнение о ней. Слишком поздно... Ей не сыграть роль опытной искусительницы, если она не имеет никаких навыков.

Адам шел рядом, такой большой и уверенный, и она восхищалась его мощью, пока он безошибочно вел их по бесконечным коридорам. Его уверенность передалась и ей.

По сравнению с ним она вдруг ощутила себя слабой и беззащитной. Удивительно! Маленькая и хрупкая, она держала этого невероятного, непостижимого мужчину в кулаке. Она имела над ним власть. Она владела положением.

Если это сон, ей совсем не хочется просыпаться. Если это мечта, она не спешит возвращаться на землю.

Наконец они прибыли к резным красным дверям, которые явно вели в спальню.

Адам, похоже, заметил, что его спутница напряжена. Он склонился к Белль и провел пальцем по ее нижней губе.

– Не надо меня бояться. Я хочу тебя, – устало проговорил он. – Я собирался наговорить тебе приятных слов. Красивых, соблазнительных. Но я потерял навык обольщения. И сейчас могу предложить тебе лишь честность. Я хочу забыться в тебе. Годами я блуждал во тьме, теряя свое лицо. А ты... Ты оказалась для меня лучом света, Белль. Я хочу забыться в тебе, хотя бы ненадолго. Знаю, дольше одной ночи это не должно продлиться. И потом я буду вынужден тебя отпустить, как обещал. Но

сейчас я хочу забыться в чем-то прекрасном. А ты самое прекрасное существо, которое я встречал в своей жизни. Красота была в моей жизни до аварии, но с тех пор я ее не видел. После стольких лет уродства, одиночества и мрака ты не представляешь, насколько важно, что тебе удалось меня зацепить. – Он коснулся ее щеки грубой, шершавой ладонью. – Я никогда не считал, сколько у меня было женщин, – признался он. – Много лет для меня существовала только жена, но до нее... Я был молодым, красивым, влиятельным и брал от жизни все. Одно твое прикосновение стерло все это из моей памяти. Я не падох на слова и эмоции, но сейчас они меня переполняют. Знай, что ты больше не моя пленница. Это я твой пленник.

От его слов веяло теплом, и Белль снова ощутила уверенность и силу Адама. Именно такого мужчину она хотела. Это было решение, необходимость которого она осознала в полной мере.

Оно скомкает жизнь, которую она оставила за спиной, оно изменит ситуацию, в которой Адам находился последние три года. Оно оставит за собой неизгладимые последствия, наподобие тех, что Адам получил при аварии.

Вот чего жаждала Белль. Возможности перевернуть чью-то жизнь. И перевернуть собственную.

Когда Белль вышла из-под опеки матери, та не горевала. Скорее всего, она закатила вечеринку. Белль не изменила жизнь матери ни на йоту и только теперь поняла глубину своей обиды.

Воспоминания пробудил в ней Адам. Не важно, кто будет после нее – Белль навсегда останется первой женщиной, которая зацепила его после глобальных перемен. После стольких травм. Она навсегда останется первой, кого он выбрал.

Желание всколыхнулось в ней с новой силой. Господи, как же ей нравилось, что Адам восхищался ею!

Она встала на цыпочки и с упоением поцеловала его. Изливая то, что он назвал светом, и намереваясь отдать его целиком. Отдать всю себя.

Оторвавшись друг от друга, они часто и тяжело дышали, а ее сердце билось, как птица в клетке.

– Понимаю, ты хочешь видеть во мне свет и красоту. А я хочу твою душу. – Она положила ладонь ему на грудь и почувствовала яростное биение сердца. – Мне не нужно, чтобы ты менялся. Я этого не хочу. Я не хочу, чтобы ты перестал быть чудовищем. Я хочу, чтобы ты показал, каково им быть.

– Покажу.

Притиснув девушку к себе, Адам зашел в комнату. Рывком захлопнул дверь, и они остались в темноте. На мгновение она решила, что он не станет зажигать лампу, но он нажал на выключатель, и тут же стало значительно светлее. Теперь ей не удастся спрятаться и убежать.

От света ей стало страшнее, но теперь она осознала, что все происходит на самом деле. Ей не отгородиться завесой мрака, и она была даже рада.

Ведь если пробил самый важный для нее, отнюдь не тихий час, она не будет сдерживаться.

– Я хочу уви... увидеть твоё тело, – запнулась Белль. Уверенность в себе, за которую она отчаянно цеплялась, таяла на глазах.

По его лицу пробежала тень.

– Не думал, что кто-то захочет увидеть его. Теперь.

Он развязал бабочку и сбросил кусочек черной ткани на пол. Затем начал расстегивать пуговицы на рубашке, обнажая загорелую кожу.

Настоящая мужская красота приковала Белль к месту.

В Калифорнии она постоянно видела на берегу мужчин с голым торсом, как правило, в прекрасной физической форме. Но на их проэпилированной груди отсутствовал роскошный волосяной покров, украшавший тело Адама.

Рубашка Адама упала на пол, открыв мощное мускулистое тело, и Белль про себя посетовала на нынешнюю моду тщательно избавляться от проявлений мужского тестостерона.

Ей нравились его грубость. Неукротимость.

– Дальше, – сдавленным голосом приказала она.

Не отрывая от нее взгляда, Адам снял ремень и одним движением скинул брюки и нижнее белье, представ перед ней абсолютно обнаженным.

К такому зрелищу она готова не была, поэтому онемела при виде принца Адама Казароса во всей своей красе.

Положа руку на сердце, она и не подозревала, что мужчина может быть таким крупным. И это касалось не только его члена. Адама словно высекли из камня, а жизнь в него вдохнул мифический Демиург. Белль и правда казалось, что она попала в сказку, так что ее теория не выглядела такой уж фантастической.

– В чем дело? – спросил он неожиданно мягко. Его тон совершенно не соответствовал брутальной внешности.

– Просто я восхищаюсь тобой. Ты прекрасен, хотя это слово меркнет по сравнению с твоей красотой.

– Не уверен, что достоин таких комплиментов... Но я счастлив, пока

ты счастлива. И пока позволяешь открывать свою красоту.

Белль неуклюже завела руки за спину, ее пальцы дрожали, нащупывая молнию платья. Она хотела сделать это для него. Хотела быть первой, кого он увидит обнаженной после стольких лет. Но, как нарочно, молнию заело в складках ткани.

– Нервы, – пробормотала она.

Улыбка скривила его губы, которые она больше не считала изувеченными.

– Позволь мне. – Его мягкий голос, в сочетании с решительными прикосновениями, будоражил ее.

Он умело справился с застежкой, и платье золотистыми волнами медленно опустилось на пол.

На Белль оставались лишь крохотные трусики. Бюстгальтер под платье не требовался, поэтому Адам свободно рассматривал ее груди.

Его руки уже изучили ее интимные места, и Белль почти не смутилась.

По его плотно сжатой челюсти было видно, как сильно он возбудился.

Белль упивалась тем, что проверяла Адама на прочность. Она вдруг подумала о Тони. Если бы он начал напирать, ей бы не понравилось, но он и не смотрел на нее с неприкрытым желанием.

Если бы смотрел, возможно, она бы его захотела.

Но Белль понимала, что это неправда. В глубине души она все равно ждала бы своего Адама.

Неожиданно он опустился на колени и припал губами к нежной коже чуть ниже ее пупка, а потом спустил ее трусики вниз. Его глаза были на уровне ее самого сокровенного места, и только теперь она почувствовала себя так, словно на нее смотрят тысячи глаз.

– Адам... – Ее фраза оборвалась, когда он прижался к внутренней стороне ее бедра и жадно вдохнул; от его грубой щетины у нее побежали мурашки.

А потом он попробовал ее на вкус именно там, где она хотела этого больше всего. Напрягшись, она изогнула спину, его ладонь прижалась к ее пояснице, а потом опустилась к ягодицам. Он исследовал ее чувствительное лоно, и ощущения превосходили все ее ожидания.

Адам не был прекрасным принцем. Не был ласковым парнем, с каким она мечтала провести всю жизнь. Но чтобы прекрасный принц занимался подобными вещами? Невообразимо.

Желание усиливалось с каждым движением его языка, но, когда Адам дразнящим движением ввел в нее свой палец, Белль чуть с ума не сошла. Она перестала понимать, что происходит.

Оргазм накрывал ее волнами, которые накатывали на нее все чаще и в итоге оставили совсем без воздуха.

Адам медленно поднялся, поцеловал ее в живот, в солнечное сплетение и в губы. Одной рукой он стискивал ее ягодицу, и от его властности у нее дрожали колени. Когда он накрыл ее тело своим, она ощутила его твердый горячий член. Запустив пальцы в ее волосы, Адам припечатал ее поцелуем. Опьяненная его запахом, жаром, силой и тяжестью его тела, Белль больше не боялась. Она перестала нервничать и забыла о неуверенности. Перед ней стоял Адам, которого она всегда хотела. Пусть потом будет больно, пусть ее сердце разорвется... Сейчас это не важно.

Адам медленно опустил ее на плюшевое покрывало, переместив руку под ее колено, дразня нежную кожу, и завел ее ногу себе на поясницу.

Он направил бедра вперед, и его эрегированный член проник в ее лоно. Белль охнула – возбуждение дошло до предела.

Приподнявшись, она обхватила ладонями его лицо и посмотрела ему в глаза. Но Адам повернулся на бок, и, хоть она пыталась его остановить, он отстранился. Ее прошиб холодный пот.

– Что такое?

– Зная Филипа... – Он открыл ящик прикроватной тумбы и вытащил оттуда коробочку. – Ну да. Все верно.

Это были презервативы. Раскрыв упаковку и разорвав пакетик, он быстро надел презерватив на возбужденный член. Белль наблюдала за его действиями как замороженная, поскольку никогда не видела ничего подобного, и вообще все в Адаме ее завораживало.

Адам снова вошел в нее, одной рукой сжимая ее бедро, а другую впечатав в матрас. Он двинулся глубже, растягивая ее влагище. Она сжала зубы и зажмурилась, а ногтями впиалась в ладони, чтобы он не заметил ее боли.

Он подал бедра еще вперед, и Белль охнула, широко распахнув глаза. Адам на нее не смотрел. Его затуманенный взгляд был направлен куда-то вдаль, а вены на шее вздулись.

У нее вдруг сжалось сердце. Как сильно он был возбужден и как глубоко чувствовал! Белль сконцентрировалась на его лице, и, когда он скользнул глубже, она почувствовала, что понемногу расслабляется и ей становится проще его принять.

С рычанием он погрузился в нее полностью, крепче сжав ее бедро и подтянув Белль к себе. У нее перехватило дыхание. На миг она решила, что не выдержит такого натиска.

Адам начал двигаться, и его толчки были сильными и грубыми. Это радикально отличалось от всего, что было раньше. Тогда удовольствие предназначалось только ей. Теперь Адам действовал в своих интересах. Компенсировал многолетнюю тоску и одиночество. Использовал ее, чтобы найти облегчение. Почему-то это придало ей сил.

Ей искренне хотелось его удовлетворить, ведь кто, как не она, сможет это сделать? Больше Адам никого не хотел.

Она вцепилась ему в плечи, встречая каждый его толчок и отдаваясь ему целиком, и неприятные ощущения пропали. Или просто растворились в нарастающем наслаждении, которое растекалось внизу живота и наполняло все тело.

Сейчас для нее существовал только Адам. Прикосновение колючей щетины и скользкого языка. Пряный запах, тяжесть на ней и внутри ее. Все это был Адам.

Настоящей пленницей она никогда себя не чувствовала. Не относилась к нему с должным почтением, как он требовал поначалу. А сейчас она словно попала в капкан.

Белль делала все, чтобы подстроиться под него, старалась смягчиться, когда ему это требовалось, или проявить силу. Когда он чуть задел зубами ее губу, она не осталась в долгу и укусила его, отчего он дико зарычал.

Когда Адам начал терять самообладание, она взяла его лицо в ладони и провела пальцем по жуткому шраму, который начертил на его коже карту боли. Адам задергался, и внутри ее начало что-то пульсировать.

Кульминация наступила одновременно. Оргазм настиг их обоих, они синхронно задрожали, вцепившись друг в друга, и буря накрыла их с головой.

Адам прижался лбом к ее лбу и поцеловал ее в губы. Его дыхание опаляло кожу, а ладонь властно легла на ее живот.

Теперь они должны поговорить. О ее неопытности, о том, что произошло и как быть дальше.

Но думать об этом Белль не хотела. Она наслаждалась моментом. В отрыве от прошлого и будущего. Только здесь и сейчас – в ночь, когда она ощутила себя свободной.

Поэтому Белль промолчала. Она повернулась к Адаму и поцеловала его, легонько обняв за плечо.

Другого приглашения ему и не требовалось. Он жадно впился в ее губы, и их подхватила новая волна страсти.

Глава 9

Держать ее в плену вечно – вот о чем мечтал Адам. Эта мысль не отпускала его все следующее утро по дороге в аэропорт и в самолете, который возвращал их на Олимпиос.

Белль опьяняла его. Находясь рядом с ней, Адам наполнялся светом. Ох уж эта прекрасная пленница, у которой он был первым!..

Это он понял после. Во время секса он вообще не мог думать и не сообразил, отчего ее тело напряглось и что препятствовало проникновению.

Наверное, его должна была мучить совесть. Он взял ее в плен и, не предоставив особого выбора, стал ее первым мужчиной.

Но вместо стыда его наполняло глубокое удовлетворение.

Сегодня оно исчезнет. Сегодня вечером, когда Белль отправится домой в Калифорнию.

Он отпустит ее. Выбора нет.

Главное, он появился на публике, а что потом будут говорить – не важно.

Хотя ему не хотелось, чтобы Белль страдала. Не хотелось мстить ни ей, ни ее отцу. Какая бы злость его ни обуревала после смерти Ианты и сына, их не вернуть, кого бы он ни наказывал. Если фотографа, виновного в аварии, до конца жизни продержат в заключении, Нанта не оживет.

Пытаясь исправить неисправимое, он искалечит одно чудесное светлое создание, которое еще осталось в мире, – Белль.

Во время полета она выглядела подавленной и помрачнела еще больше, когда они ехали на машине во дворец. Она понимала: все близится к концу.

Отчасти он упивался этим, как самый обычный мужчина. Его радовала мысль о том, что о нем переживают. По нему скучают.

Но Белль все-таки должна вернуться к своему парню. Пусть отдыхает у себя в солнечной Калифорнии на свободе и в безопасности.

Она не должна сидеть вместе с ним во мраке.

Она хотела узнать, каково быть чудовищем, как принять свою страсть. И если он хоть немного помог ей, если от этого она стала счастливее, а ее жизнь – лучше, то уже хорошо.

О другом варианте развития событий он и думать не хотел. Он мог заразить ее своей мрачностью, которая за несколько лет поработит Белль.

Если тьма вытрясет из нее весь свет, он никогда себя не простит.

Да и простил ли он себе хоть что-то? Потерю жены, сына?

Адам отмахнулся от наваждения, но, когда они подъехали к воротам дворца, по его спине пробежал холодок. Он весь напрягся, приготовившись к бою, приготовившись защищать свою женщину. Дворец окружала толпа: люди с камерами, микрофонами, видеоаппаратурой. Рядом стояли фургоны, а в небе даже кружил вертолет. Из цирка они вернулись в цирк.

– Это что за чертовщина? – вслух спросил он, хотя Белль не могла знать ответ.

Лимузин сбавил скорость – водителя явно одолевали сомнения. Адам нажал на кнопку, и разделительная перегородка между ними и шофером опустилась.

– Нельзя проехать между людьми?

– Перед машиной они наверняка разойдутся, – ответил водитель.

– Тогда вперед! – скомандовал Адам.

– Что происходит? – спросила Белль.

– Тебе лучше знать, – сказал Адам, вытаскивая из кармана телефон и открывая интернет-страницу. – Это папарацци.

– Я ни с кем не разговаривала, – произнесла она дрожащим голосом.

– Знаю. Ты ведь была со мной всю ночь, не забыла? И целый вечер на публике. Стоит признать, такого результата я не ожидал. – За этим явно скрывалось нечто большее... Конечно, все заголовки пестрели его первым выходом на публику, но чтобы вызвать такое неистовство? На вечере ведь были фотографы. Теперь им нечем поживиться, кроме...

Он открыл страницу одной американской газеты и кое-что заметил.

– Как там зовут твоего парня?

– Тони. Тони Лэйтон.

– Да, он явно не на седьмом небе... Вот откуда здесь толпа.

Он протянул ей телефон. Его больше не было смысла прятать. Если Белль захочет позвонить отцу, Тони или в Национальную гвардию – пожалуйста. Его дом все равно оккупировали, а она уже может ехать домой.

Она смотрела на экран, раскрыв рот и глаза от изумления.

– Он заявил, что ты меня похитил. Что мне промыли мозги. Стокгольмский синдром. – Она убрала телефон, и они с Адамом переглянулись. Затем она подняла перегородку и сказала водителю: – Остановите машину.

Как ни странно, водитель подчинился. Не успел Адам что-то возразить, как Белль распахнула дверцу и вышла.

– Эй, вы! Хотите получить информацию не из третьих рук, а от меня лично? Принц Адам Казарос не держит меня в плену! Я его невеста! Остаться с ним – мое решение. Я его люблю, и мы скоро поженимся!

Белль сама от себя обалдела. Она объявила себя невестой Адама! Объявила, что у них скоро будет свадьба! Слова Тони в одной газетной статье возмутили ее до глубины души. В ней играла страсть. Абсолютное помешательство, которого она всегда боялась. Как же ей было страшно, что оно застигнет ее врасплох! Так и случилось.

Хотя она не жалела. Это удивило ее больше всего, пока она стояла перед толпой папарацци. Ее не грызла совесть. Не охватывал страх. Ей всегда казалось, что она придет в ужас, если поддастся порыву, и возненавидит изменения в себе. Будет чувствовать себя проигравшей.

Все происходило как в замедленной съемке. Значит, это все-таки было состояние шока, а не кристальной ясности, но вариант с ясностью ей нравился больше.

Видимо, в течение последних недель она преобразилась в личность, которой и должна была стать. В объятиях Адама, в его постели она обрела часть себя, которую очень долго сдерживала. Белль даже не представляла, как сильно в ней нуждалась.

Сейчас она чувствовала себя более цельной. И храброй. Это было главное отличие. Ей стоило большого мужества приехать сюда и освободить отца, заменив его собой. Для такого поступка требовалась недюжинная сила.

Сейчас она не видела ничего странного в том, чтобы защищать Адама – мужчину, в которого она влюбилась.

Это оказалось совсем не страшно. Конечно, она влюбилась! Это было так просто и ясно!

Она не позволит безумной толпе объявить Адама монстром. Не позволит репортерам вторгнуться в убежище, которое он выстраивал для себя так долго. Они причинили ему столько боли...

После ее заявления раздался оглушительный рев газетчиков, который разнес ее спокойствие в пух и прах.

– Хотите послушать меня? Или будете питаться дикими выдумками? Я расскажу вам все! – выкрикнула Белль, и, хотя она была уверена, что ее не услышат, толпа стихла. – Никто меня не похищал и не запудривал мозги. Никто мной не манипулирует. Принц Адам Казарос ни к чему меня не принуждал. Между прочим, он собирался отправить меня домой, чтобы не порочить мою репутацию. Но я отказалась, – подчеркнула она и покосилась

на машину.

Адам глядел на нее с нескрываемой яростью.

– Как вы смеете преследовать человека, который так много натерпелся? – сказала она дрожащим голосом. – Как вы смеете верить вранью?

– А что такого? – громко произнес один из репортеров. – Прессу нельзя винить в подозрительности! Красавицы любят чудовищ только в сказках!

Белль начала закипать.

– Многие женщины предпочтут чудовище, – твердо ответила она. – Прекрасный принц может отлично танцевать, но у чудовища другие преимущества.

Ей было плевать на то, что фраза прозвучала слишком пошло. От правды не скрыться. Она хотела Адама и только Адама.

Он медленно вышел из машины. Одно его присутствие внушало такой ужас, что журналисты отпрянули.

– Думаю, моя невеста пытается объяснить, что между нами особенная связь, – произнес он, и от его глубокого голоса по ее телу пробежали мурашки. – И если из этого у вас не выйдет сального заголовка, я не сильно расстроюсь. Для меня настало время двигаться дальше, для меня и моей страны, и очнуться от трагедии, в которой виновны не в меру ретивые СМИ. Вы обязаны освещать события по всему миру, информировать и предостерегать публику. А персону, с которой я сплю, к этому никак не относится. Проявляйте свои способности за пределами дворца и этой страны, иначе окажетесь за решеткой. Думаете, я преувеличиваю? Могу назвать одного фотографа, который вам скажет, что я никогда не обманываю. – Их взгляды пересеклись. – Пойдем, *adare*, нам пора домой.

После его слов Белль стало ясно: дома вся вежливость с него слетит. Она послушно отправилась за ним и села в машину.

– Трогай! – скомандовал Адам.

– Тот заголовок меня просто взбесил, – начала оправдываться Белль, не дожидаясь, пока он заговорит.

– Меня тоже, – согласился он. – Но я не уверен, что твое решение проблемы совпало бы с моим.

– Мое решение всегда можно отменить! Помолвки постоянно расторгаются.

Адам повернулся к ней, сверкнув глазами.

– Ты на это и рассчитывала?

Она покачала головой:

– Вообще-то нет. Произнося свою речь, я как будто и правда решила выйти за тебя замуж. Стать твоей женой во всех смыслах слова. После нашей совместной ночи... Я не вернусь к Тони. Ума не приложу, о чем он думал, делая подобные заявления. Надо было ему позвонить и сообщить о разрыве. Но ты же не давал мне телефона, так что я не виновата.

Что-то черное и блестящее плюхнулось ей на колени.

– Спасибо, – смягчилась она. – Вчера он бы пригодился.

Дрожащими пальцами она набрала номер Тони. Он ответил со второго гудка.

– Если у вас остались вопросы, сегодня я даю пресс-конференцию, – отчеканил он. Ни разу она не слышала от него резкого, повелительного тона.

– Тони, это я...

– Белль? – В его голосе не слышалось облегчения. – Почему ты не звонила?

Адам убийственным взглядом покосился на телефон.

Она отвела телефон от уха, чтобы Адам тоже мог слушать.

– У меня не было телефона, – ответила она. – Тони, никто меня в плену не держит. Пожалуйста, перестань говорить журналистам, что Адам преступник. Он добрый человек, просто ему пришлось нелегко.

– Хочешь сказать, что покинула меня по своей воле, не сообщив ни мне, ни отцу, куда направляешься, и все это время обманывала меня? – Он усмехнулся. – Я не трогал тебя и пальцем все восемь месяцев наших отношений, а сейчас ты запросто прыгнула в постель к этому монстру?

– Он не монстр, Тони, – возразила Белль. – Мне очень жаль. Я не изменяла тебе, но я решила к тебе не возвращаться. Я не прикасалась к Адаму и пальцем, пока не поняла, что наши отношения с тобой подошли к концу. Это случилось бы в любом случае. Скоро я выйду за него замуж.

– Замуж?! – процедил Тони. – Восемь месяцев ты не давала мне доступа к своему телу, а я просто терял время, убеждая себя, что однажды получу его, если заслужу. Перед этим типом ты моментально раздвинула ноги, потому что он предложил тебе дворец? Потому что он может осыпать тебя деньгами? Не ожидал, что для девственницы ты окажешься такой шлюхой.

Телефон вдруг вырвали из ее рук.

– Белль станет принцессой, а ее жених наделен немалой властью! – прорычал Адам. – И я не колеблясь обрушу на тебя всю свою мощь, если ты посмеешь говорить о ней в подобном тоне!

– Эй, я гражданин Америки, и я не обязан перед тобой лебезить! –

огрызнулся Тони. – У нас свобода слова!

– Посмотрим, как тебе поможет свобода слова, когда никто не захочет иметь с тобой дел! – рявкнул Адам. – Да, США – свободная страна, и, владея любой информацией, люди могут принимать собственные решения. А если они решат не связываться с тобой после пары слов с моей стороны – как тебе такая свобода?

– Подонок, – окрысился Тони. – Я не дам себя запугать. Когда наш разговор закончится, всем станет ясно, что ты промыл Белль мозги! Мне она не дала и буфера потискать, а на тебя сразу накинулась? Не верю. Я покажу всем, какой ты на самом деле. Зверь, который похищает женщин и убеждает их в том, что за деньги не зазорно разгуливать перед ним нагишом!

– Иди к черту! – прошипела Белль, выхватывая трубку. Она посмотрела на Адама. – Прости. К сожалению, угрожать его карьере бессмысленно. Он литературовед, как и я. Тони был готов жить в нищете, но теперь легко избежит этой участи, сплетничая с прессой.

Адам рассмеялся:

– Думаешь, он задевает мои чувства? Меня не так просто обидеть. Как бы он сам себе не создал проблем.

– Именно поэтому мы должны пожениться, – твердо сказала она. – Иначе дворец не перестанут осаждать.

– Не питай иллюзий, наш брак произведет немалый скандал. Хотя читать свадебные заголовки гораздо приятнее, чем справляться с обозленной толпой журналистов.

– Он не имел никакого права...

– Да пусть. – Адам наклонился и взял ее за подбородок. – Я разотру в порошок любого, кто захочет тебя увести, без малейшего сожаления. И я только что это доказал, когда твой парень начал сквернословить.

– Думаю, пора уже объявить, что Тони больше не мой парень.

– Видимо, да. – Он убрал руку. – Кстати, вот мне любопытно. Почему ты заставила его ждать? И почему решила потерять девственность именно со мной? Что ты во мне нашла?

Она повела плечом, уставившись в окно.

– Я убеждала себя, что не хочу быть похожей на мать. Что я должна быть более избирательной. И если соберусь вступить с кем-то в половую связь, то должна буду убедиться, что я готова к постоянству, детям, семье. Но главное – я не испытывала к Тони желания. Чтобы с ним переспать, мне бы пришлось побороть кучу сомнений. С тобой все по-другому.

От его пронзительного взгляда ее щеки вспыхнули.

– Мне плевать на шрамы, – продолжила она. – А может, я просто считаю их прекрасными. Звучит странно, ведь они олицетворяют страдание. Но они – часть тебя. И я буду счастлива выйти за тебя, Адам, – сказала она, набравшись смелости признаться ему в любви.

– Я пока не могу сказать, что буду счастлив жениться, – грубовато ответил он. – Но я крайне счастлив делить с тобой постель.

Наверное, его фраза должна была бы испортить момент, но Белль восприняла ее как настоящий брачный обет. Адам, три года живший в одиночестве, счастлив делить с ней постель!

Пусть это не признание в любви, но она видела в его фразе надежду. На то, что однажды дикий зверь полюбит ее в ответ.

Глава 10

Заявление Белль отнюдь не положило конец сплетням. Все мировые газеты разрывались. Не только таблоиды, но и уважаемые издания строили догадки насчет отношений принца и незнакомки из Калифорнии.

Адам не придавал значения шумихе. Когда прячешься во дворце, легко вообразить, будто ничего не происходит.

Хотя вообще-то он прятался в объятиях Белль.

Он забывал обо всем, когда находился с ней в постели. Пусть королевство хоть огнем горит за стенами дворца – он не заметит.

Конечно, с переменой ее статуса от пленницы до невесты последовали и некоторые изменения. Каждую ночь он проводил в ее спальне. Помимо прочего, у нее появились телефон, компьютер и все необходимое для общения. Белль решила остаться, а значит, не было смысла ее ограничивать.

Адам отпил кофе и взглянул на газету, лежавшую наверху стопки. В ней яростнее всего обличалась его чудовищная сущность. В чем они не правы?

Почти все обвинения в его адрес были оправданны. За исключением того, что Белль осталась с ним по принуждению. Ведь именно она рванулась из машины и объявила о помолвке, которую они даже не обсуждали!

Адам собирался ее освободить. Хоть он и молчал об этом, был уверен, что она понимает. После выхода в свет он бы состряпал какую-нибудь легенду про расставание. Она должна была понять.

У него неприятно сжалось в груди.

А вдруг упомянутый журналистами стокгольмский синдром и правда имел место? Вдруг, получив тяжелый психологический удар, Белль отождествила себя со своим тюремщиком?

В любом случае он не хотел ничего предпринимать.

Все было прекрасно.

Пресса восторгалась Белль, и сказка о том, как двое нашли любовь после трагедии, получилась изумительной.

В кармане у Адама лежало кольцо, и он приготовился окончательно привязать Белль к себе. После этого никаких домыслов не должно остаться. Этот ход писаки уже не вывернут наизнанку.

Ему не хотелось ее освобождать, даже если это правильно.

В ее объятиях он нашел нечто большее, чем просто спасение. И он удержит его любой ценой.

Когда девушка прошла сквозь широкие двери в столовую, его сердце замерло. Она была бесподобна. Понятно, почему и пресса, и обычные горожане недоумевали насчет ее выбора.

Странная ситуация. Адам с Иантой составляли идеальную пару. А сейчас его избранница – мещанка, которая крутит им, как хочет. Его это не задевало, а скорее удивляло. Что Белль нашла в нем?

Он не обладал исключительными качествами. Конечно, у него был дворец, это давало ему некое преимущество. Но дворец не мог прельстить Белль. Подобные вещи ее не интересовали.

Она была счастлива сидеть в уголке с книжкой. А это делать можно как в тесной комнате, так и в замке.

Ведь углядела же она в нем что-то... Но что?

– Доброе утро, – негромко поздоровалась она.

Простой сарафан чуть ниже колена изящно подчеркивал фигуру и шелестел при каждом ее шаге. Никакой эротики. Одна сплошная нежность. И все-таки его тело немедленно отреагировало. Каждый раз, видя ее, Адам чувствовал себя изголодавшимся. Хотя они занимались сексом всего пару часов назад.

Может, это был результат многолетнего воздержания?

– Все в порядке?

Она потеряла глаза.

– Я рано встала, чтобы поговорить с отцом. Он, конечно, очень взволнован ситуацией. И своей ролью в ней.

– Да, роль у него оказалась важной. Без него мы бы здесь не сидели, правда?

Она наградила его недобрым взглядом. Вот только неясно, заслужил он его или нет?

– Я не хочу, чтобы он чувствовал себя виновным в моей помолвке, – сказала она.

– Разве в ней можно кого-то обвинить? – Содрогнувшись, Адам подумал, что виноватый все-таки есть.

– Нет, – отрезала она, заняв дальнее кресло. Раздражение было налицо. И явно по его душу.

Проведя в браке с Иантой почти три года, Адам выучил женскую злость как свои пять пальцев. Но Белль удалось его удивить. Ее гневный взгляд испепелял его, хотя немногим ранее он возносил Белль к вершинам наслаждения.

Похоже, за время его затворничества ничего не изменилось. Женщины все так же непостижимы.

– Хочешь кофе?

Она хмыкнула:

– Когда это я не хотела?

– Не на моей памяти точно, – сказал он, наполняя чашку и подвигая к ней. – Но я и не припомню, чтобы ты без причины была такой колючкой. Придется взять тебя в заложники, чтобы изучить твой уровень гнева.

– Просто мне было трудно разговаривать с отцом и объяснять ситуацию.

– Включая заголовки?

Она опустила глаза.

– Я не привыкла оказываться на всеобщем обозрении. Мне это не нравится.

– Удивительно, что народ, который сам еле сводит концы с концами, жадно следит за судьбами богатых и знаменитых, их личной жизнью. Боль бывает такой, что ее не заглушить деньгами и статусом, но, когда ты пытаешься с ней справиться, никто не принимает это во внимание.

Она медленно кивнула.

– Просто все происходит в очень агрессивной форме. Так и подмывает созвать пресс-конференцию и по пунктам разложить все, что мне в тебе нравится. Чтобы ни у кого не осталось сомнений, что я здесь по своей воле.

– Пресс-конференций не надо, – выдавил он. – А вот твои пункты я бы послушал.

Зардевшись, она отвернулась. Ему нравилось, что, несмотря на все их постельные выкрутасы, Белль вела себя как девчонка.

– Не уверена, что это будет полезно для твоего эго.

– Какое там эго! Я страшный, изувеченный мужик в шрамах, который три года жил во мраке. Чуть повысит самооценку не помешает. Особенно если учесть, что гнусности о моем внешнем виде сейчас мусолит весь мир.

– Ладно, – сказала Белль, уставившись в кофе. – Мне очень нравится, что ты испытываешь удовольствие от наших пререканий. Что бы между нами ни произошло, благодаря тебе я не чувствовала себя обязанной. Сейчас я чувствую себя собой. Ни с кем другим я не испытывала ничего подобного. Всю жизнь я пыталась соблюдать приличия и быть добропорядочным гражданином. А здесь, рядом с тобой, такая свобода... Что об этом можно забыть. – Она уперлась в него своими голубыми глазами и странно улыбнулась. – Звучит дико, согласна. Но, будучи твоей пленницей, я точно не собиралась впечатлять тебя манерами. Все это

слетело, как пелена. Переживания, что я выгляжу, как... Ну, не знаю. – Она быстро заморгала, а потом прочистила горло и продолжила: – Я считала страсть своим врагом. Просто мне нужно было найти виноватого. Когда от тебя отказывается мать, ты волей-неволей ищешь причину. Затем ты должен ее принять и сделать выводы. Мой вывод был таков: нет ничего эгоистичнее, чем потакать своим желаниям. Но вместо того, чтобы что-то исправить, я растеряла себя по кусочкам. Рядом с тобой я их нашла. Совсем не такую историю ждут от меня журналисты, в ней нет особых трагедий или эмоциональных всплесков. Но, по крайней мере, она честная.

Его сердце сразу откликнулось на правду и искренность, прозвучавшую в ее словах. Давным-давно потерянные частички своей души он обрел рядом с Белль.

– А я уж подумал, это связано с моими волшебными руками, – выкрутился он и улыбнулся. Улыбка... Незнакомое выражение лица. Забытое. Но теперь ему часто хотелось ей улыбаться.

– Безусловно, они очень помогли, – в ответ улыбнулась Белль. – Их я тоже упомяну. Ты же понял, что я тогда имела в виду? – Не спеша поднявшись из кресла, Белль направилась к нему. Она наклонилась, уперев руки в бедра. – Когда я сказала, что прекрасного принца переоценили? Гораздо больше мне нравятся мужчины вроде тебя. А вежливые и утонченные не в моем вкусе.

Адам встал и коснулся ладонью ее щеки.

– А ты больно дерзкая для вчерашней девственницы.

– Подозреваю, что я всегда такой была, только скрывалась. А теперь мне незачем сдерживаться.

Адам положил руку ей на затылок и схватил ее волосы в кулак.

– Продолжай...

На ее губах заиграла озорная улыбка.

– Мне нравится, как ты меня держишь. Как будто никогда не отпустишь.

– Я вижу, Белль, тебе по душе быть пленницей.

– Верно. В твоём плену я впервые почувствовала себя свободной.

Он замялся. Конечно, хотелось бы, чтобы это оказалось правдой, но в таком случае... В таком случае их отношения не уместятся в рамки, которые газеты назвали исключительно плотской привязанностью.

Охваченный неловкостью, Адам отпустил девушку. И прежде чем взять себя в руки, он вытащил из кармана маленькую бархатную коробочку, которая лежала там с утра.

– У меня для тебя кое-что есть, – сказал он, положив коробочку на

стол.

Но Белль не шелохнулась, ошарашенно на него глядя.

– Что там?

– Не хочешь открыть?

– Если это то, о чем я думаю, открывать должен ты.

Адам не собирался делать ей предложение. Раз они помолвлены, какой в этом смысл? Когда-то он уже делал предложение. И было как-то странно это повторять. С другой женщиной. И не потому, что он любил и всегда будет любить свою первую жену. Основанная на практицизме, их любовь со временем и благодаря брачным обетам стала невообразимо нежной. Они были счастливы посвятить себя друг другу.

Ощущения, что он повторяет прошлое, были непереносимы. Он не мог и не хотел переживать это заново. Он был уже не тем человеком, который надел кольцо на палец Ианты.

Но Белль просила у него слишком мало, и было бы жестоко ей отказывать. Он положил палец на коробочку.

– Однажды я уже делал это, – медленно проговорил он. – На балу, если хочешь знать. На мне был смокинг, а не джинсы, как сейчас. А на ней – вечернее платье, а не сарафан. И мы находились в толпе людей, а не в этом пустынном замке. Я встал на одно колено и сделал свой выбор, ведь глубокая симпатия к Нанте уже давно переросла в любовь. До того момента я не знал ни в чем отказа и еще никого не терял. – Он постучал пальцем по коробочке. – Через пару лет после нашей свадьбы умерли мои родители. А потом, через год, я потерял жену и не успевшего родиться сына. И с ними – все надежды на будущее. Все перевернулось в один миг. И я в том числе. Я все это рассказываю, чтобы ты знала: я не жду повторения моего первого брака. Теперь я другой человек. Который познал и подарки судьбы, и утраты.

Он встал на оба колена, как приличествовало мужчине его возраста и цинизма.

– Я хочу, чтобы ты стала моей женой. Чтобы ты была рядом, когда я вступлю в новый период своей жизни, в новую эру моей страны. Будет непросто. Сплетни никуда не исчезнут. И со мной, как ты уже поняла, легко не будет. Но я буду верен тебе и нашим детям. Я клянусь защищать тебя.

Меньшего он не мог пообещать Белль. Даже зная, что он простой смертный.

Однако с нашествием внутренних упреков Адам похолодел. Как он посмел раздавать обещания, если в прошлый раз так крупно облажался? Как посмел вывалить все это на женщину, которую силой привлек в свою

жизнь?

Как он смеет поглощать ее свет, ничего не отдавая взамен?

Несмотря ни на что, Адам раскрыл коробочку, выпустив на свет огромный голубой камень под цвет ее глаз. Молча вытащив кольцо, он надел его на ее безымянный палец.

– Будь моей женой, – скомандовал он.

– Хорошо, – ответила она просто и спокойно. – Когда в следующий раз созвонюсь с отцом, так ему и сообщу. Что ответила «да». И у меня даже мысли не возникло ответить по-другому.

А ведь она могла бы... Адам поднялся и крепко ее поцеловал. Он всего этого не заслуживал. Но пока дают, нужно брать.

* * *

Белль взглянула на кольцо, наверное, в тысячный раз, с тех пор как Адам надел его вчера ей на палец. Оно казалось одновременно сказочным и реальным. Она чувствовала его вес. Оно было тяжелым не столько из-за камня, сколько из-за слов, которые Адам произнес, надевая его.

Стоило признаться, она не разделяла обычных эмоций женщины, которой сделали предложение. Она была рада, что он упомянул о своем первом опыте, о первой женитьбе. Она была рада, что он с ней поделился, ведь личное он держал от нее в секрете. Например, свое прошлое.

Ей по-прежнему был закрыт доступ в его покои. Конечно, он запирался уже не так часто, предпочитая проводить вечера в ее спальне. Но ей ужасно хотелось побывать в его кровати. Непонятно, почему это обладало для нее такой важностью.

Она потеряла грудь, стараясь унять боль в сердце. Теперь ей все стало ясно. Дело в том, что она полюбила Адама. И когда она объясняла ему причины, почему она с ним, об этом опять умолчала.

Лицемерка... Распиналась о том, какая она храбрая и свободная рядом с ним, а на самом деле скрывала самое важное. С Адамом ей было нечего терять. Понимая, что их отношениям все равно наступит конец, она с легкостью закрутила роман, не беспокоясь о будущем. Адам ее хотел, а остальное не имело значения.

Теперь же все вышло за рамки. И Белль снова начала вести себя как всегда. Замыкаясь в себе, глуша чересчур острые эмоции.

И вдруг, в момент ослепительной ясности, Белль поняла, что таким

образом защищается.

Она боялась не того, какой ее может сделать страсть. Она боялась боли, которая возникнет, когда страсть потухнет. Материнское неприятие ранило ее так сильно, что второго предательства Белль не выдержала бы.

Одну лишь страсть выразить легко. Но теперь ее чувства гораздо глубже. Теперь это любовь. Ей стало страшно, что Адам отвергнет ее, и она замкнется в себе окончательно.

Белль встала, положила книгу на соседнее кресло, потерла уставшие глаза. Посмотрела на кольцо.

– Адам, – прошептала она, легонько погладив камень.

Удивительно, как этот человек завладел ее душой и телом. Из-за него она поставила на карту все, что годами ее оберегало.

Ей хотелось отдаться ему полностью. А это подразумевало смелость. Это подразумевало риск. Что ж, бравада и привела ее из Калифорнии на Олимпиад.

Набрав дыхания, она взяла мобильный телефон, нашла номер Адама (бродить по дворцу в поисках нужного человека было почти так же трудно, как отыскать кого-то в городе) и отправила сообщение: «Я в твоей комнате».

Рискованный ход. Но необходимый. Белль хотела соединить все частички себя в одно целое, все маленькие разрозненные фрагменты, которые ее так хорошо защищали. И она собиралась заставить Адама сделать то же самое. Хватит уже отделяться друг от друга. Между ними не должно быть пограничных линий, стен или крыльев дворца.

Вздохнув, она вышла из библиотеки и отправилась в запретную часть дворца.

Вариантов развития событий было два. Либо Адам отошлет ее обратно в свою комнату, либо раскроет свои тайники.

Она рассчитывала на второе. Но уверенности не было. Оставалась лишь надежда.

«Я в твоей комнате».

Когда текст высветился на экране телефона, Адам сидел в кабинете, занимаясь административными делами. Он не ожидал получить эсэмэску от Белль, которая предупреждала, что будет читать, а это значило – следующие несколько часов в постель ее не загнать.

Но содержание сообщения удивляло еще больше. В его комнате? Она никогда туда не заходила, а он не приглашал. Она не была в его крыле с тех пор, как обнаружила фотографию с Иантой. И его это устраивало. В

спальне у Белль призраки прошлого казались едва заметными, а тьма не такой непроницаемой.

По какой-то причине Белль пересекла невидимую линию и, наверное, рассчитывала, что он примчится и вышвырнет ее оттуда.

Стиснув зубы, Адам вскочил из-за стола и рванул из кабинета. Он несся по коридору, и его шаги эхом отзывались в пустынном проходе. Его сердце бешено стучало, в крови кипел адреналин. С силой локомотива его подталкивали в спину похоть и злость. Он не понимал, что именно ощущает, потому что переживал все эмоции сразу. Выделить одну было невозможно.

Адам бежал в конец коридора, мимо гостиной, где застал ее в прошлый раз, напрямик в свою спальню. Пока бежал, он четко осознал одно: он сгорал от желания. Не мог дожидаться, чтобы заняться с Белль сексом. Пусть даже на запрещенной территории. Ему стало дурно от страсти, гнева и желания, поглотивших его целиком и полностью. Он не мог ни дышать, ни думать.

Прижав ладони к двойным дверям, он толкнул их.

Ойкнув, Белль уставилась на него, как олененок, застигнутый светом автомобильных фар.

Она сидела прямо посередине постели, которую Адам делил со своей женой. В спальне, которую он делил со своей женой. Это место до сих пор было наполнено воспоминаниями. Прошлым. Чувством вины.

То, что последнее время он разрешил себе спать в другом месте, было непозволительной роскошью. Ночевать в своей спальне было тяжело. Что ж, это малая расплата за его грехи.

– Что ты тут делаешь? – вкрадчиво спросил он.

– Я подумала, что... Пришло время, – просто ответила она. – Ты не согласен?

Он начал расхаживать взад-вперед по комнате.

– Время никогда не придет.

– Рано или поздно тебе придется меня впустить, – произнесла она, и он понял: она имела в виду не только его спальню. – Иначе наш брак будет наполнен одиночеством.

– Это была наша с Иантой спальня.

Белль медленно кивнула.

– Знаю. Но я не хочу... вставать на ее место. Я понимаю, что мы разные. И уважаю это. Твои потери значимы для меня, хочешь – верь, хочешь – нет. Ианта мне небезразлична, хоть мы и не были знакомы. Потому что ты страдал, когда потерял ее, потому что ты ее любил, и крах

этой любви сделал тебя тем, кто ты сейчас.

Ничегошеньки она не смыслила... И он не имел никакого желания ей помочь. Он просто не мог. Он был не в силах разделить с ней свою боль.

– Я не хочу сидеть взаперти, – сказала Белль. – Не хочу, чтобы огромные пространства оставались для меня закрытыми только потому, что они наполнены болью. Раздели ее со мной.

– Но зачем тебе это? Бред какой-то... Зачем тебе нести мою ношу? – Адам вдруг физически ощутил свое горе – мрачное, гнетущее, разрушительное. Он не хотел, что Белль имела к нему отношение. Он не вынесет, если мрак заразит ее.

– А вот затем, – кротко ответила она. – Я прошу тебя открыться, потому что сама собираюсь это сделать. Я хочу перестать защищаться. Ты не обязан разделять мои чувства. Просто я хочу тебя. Потому что я тебя люблю.

Ее последние слова прозвучали в комнате, как гром среди ясного неба: безысходные, мучительные.

Ответа у него не было. Поэтому он стоял и смотрел на нее, пока ее слова впитывались в его душу, как дождь в иссохшую, потрескавшуюся землю. Он позволил дождю накрыть его, наполнить, затопить.

Белль осторожно подошла к нему и прижала ладонь к его груди, кончиками пальцев порхнув над его сосками. Адам судорожно вздохнул, охваченный неумолимым возбуждением.

Он ответил на ее слова и прикосновение каждой частичкой своего тела. Его сердце билось так яростно, словно норовило вырваться из груди, легкие горели от переизбытка кислорода. А тело... Тело напряглось до боли. Ему срочно требовалось прижаться к Белль, войти в ее узкую влажную плоть. В то особенное место, которое блокировали боль и отголоски прошлого. Когда Адам находился внутри Белль, остальное переставало существовать. Он растворялся в ней, и теперь ему хотелось этого больше всего на свете.

Чтобы обуздать свою похоть, самообладания не хватало. Девушка приблизилась и поцеловала его, опустив руку на его живот. Держась из последних сил, Адам позволил ей управлять поцелуем, который менялся от жесткого к нежному.

Когда ее язык скользнул по рубцам на его губах, из его груди вырвалось мощное рычание. Рядом с Белль он мог себе позволить быть диким. Какой смысл строить из себя того, кем ты не являешься?

Но потом и его терпению пришел конец.

Он обхватил ее вокруг талии, сильно прижав к себе. Конечно, он

понимал, что она маленькая и хрупкая. Но он должен был ее испытать. Именно здесь, именно в этой спальне.

Призраки прошлого и раскаяние. Чувство стыда и сомнение. Они росли и становились тягостнее. Они казались вездесущими.

Руки Белль сновали по его телу, а губы склеились с его губами, и Адам ощутил свет внутри себя. В центре его груди разгорелся огонь, который вытеснял демонов, мрак и холод.

С ним случилось чудо. Имя которому – Белль.

Белль полюбила его.

Адам неистово поцеловал ее в ответ, отталкивая девушку назад, но не к постели, а к стене. Он поставил ладони по обеим сторонам от нее, а его внушительный орган расположился у нее между бедер.

Он грубо схватил ее за вырез платья и дернул.

Комнату наполнил звук трескающейся ткани; платье спустилось, обнажив ее грудь. Он с жадностью окинул ее взглядом.

– Если бы я знал, что ты сидишь в библиотеке, не надев под платье нижнего белья, я бы тебя не оставил здесь одну, – сказал он, и каждое его слово сочилось желанием.

– Если бы я это знала, – ответила она, погладив его по щеке, – я бы тебе сразу сообщила.

Взяв ее за запястье, он занес руку ей за голову и прижал к стене. Затем проделал то же самое с другой рукой.

Белль выгнулась, прижавшись к нему грудью. Твердые бугорки сосков не оставляли ему выбора. Свободной рукой Адам сдернул то, что осталось от платья, и Белль оказалась в одних шелковых трусиках.

Он погладил пальцем ее кожу чуть ниже талии, дразня ее и себя.

– Их выбрал кто-то из персонала?

– Да, – пробормотала она и затрепетала, когда Адам начал водить пальцем туда-сюда.

– Надо ему увеличить зарплату. Я хочу увидеть большее...

Освободив ее запястья, он повернул Белль спиной к себе, а потом снова схватил за руки. Теперь он наслаждался изящной линией ее спины. Выгнувшись, она слегка оттопырила попку. Он положил ладонь ей на живот, потом спустился к бедру и затем взял ее за ягодицу, абсолютно обнаженную – крохотный кусочек ткани ничего не прикрывал.

– На это я и рассчитывал, – сказал он, устроив свой набухший орган прямо посередине ее податливой плоти.

Она охнула, а потом тихо застонала, когда он прижался к ней плотнее, усиливая давление. Засунув руку под мягкую ткань, он почувствовал, что

там все мокрое от желания, и погрузил палец в скользкие складки.

Белль прильнула к нему, прошептав его имя то ли как молитву, то ли как проклятие. Он с удовольствием принял бы оба варианта.

Они стояли так некоторое время: он удовлетворял ее рукой, а она покачивала бедрами в такт каждому движению.

Это было похоже на ад. И на рай. Он должен закончить с этим и проникнуть в Белль, но продолжить прелюдию тоже хотелось. Они как будто находились в лимбе, между адом и раем, где ни один из них не мог насытиться.

Пламя становилось все ярче и горячее. Адаму казалось, будто он стоит в столпе света, а вокруг крошечная тьма.

– Адам... – выдавила Белль. – Прошу тебя...

Он замедлил движения.

– О чем ты просишь?

– Зайди в меня.

Его захлестнула волна удовольствия, и, оказалось, он совершенно не способен сопротивляться простой просьбе. Дрожащими руками он расстегнул ремень, ширинку и рывком сбросил с себя брюки и нижнее белье. Затем поддел пальцем ее трусики и отодвинул их в сторону.

От такого зрелища Адам застонал. Ох уж эти округлые ягодицы и волнующая женская плоть, проглядывающая между разведенными бедрами...

Он не мог и не хотел сопротивляться. Проникнуть в нее было единственным его желанием.

Войдя в нее всего на пару сантиметров, он проверил ее готовность.

С невероятной силой сжав челюсти, он подумал, что так от зубов может ничего не остаться.

Он снова схватил ее за бедро, сильнее прижал запястьями к стене и погрузился глубже. Белль застонала, по ее телу побежали мурашки, а потом она оглянулась через плечо. Неожиданный зрительный контакт вызвал разряд электрического тока, и Адам зашел до конца. Одной рукой он обнял ее за талию, а другой стимулировал клитор, одновременно поддерживая ритм, который вскоре унесет их в беспамятство.

Снова и снова выкрикивая его имя, она заставляла его двигаться быстрее, а ему хотелось, чтобы это длилось вечно.

Он освободил ее запястья и, вцепившись ей в бедра, сделал последний грубый рывок, после чего отстранился.

– В чем дело? – спросила она ошеломленно.

– Доверься мне, – ответил он чужим, незнакомым голосом. Затем

повернул Белль к себе, страстно поцеловал, поднял на руки, донес до кровати и опустил ее на постель. – Ложись! – скомандовал он.

Она подчинилась, свесив ноги с края кровати, откинув голову и выставив грудь вперед. Как будто невинную красавицу приносили в жертву страшному чудовищу в замке. Но даже эта параллель не остановила Адама.

Да, он все-таки оставался чудовищем. И спасения нет.

Он приподнял ее за ноги, вынуждая обвить его талию. Она снова подчинилась. Тогда он зашел в нее глубоко. Вскрикнув, Белль закрыла лицо ладонью, а он двигался, по-прежнему стоя у края кровати.

– Адам... – задыхалась она. – Адам, мне нужно...

– Это, – сказал он, одновременно сделав жесткий рывок, – чтобы я был внутри.

Кивнув, она приподнялась, взяла его за руку и притянула к своим губам. Нежно провела языком по его пальцу, а потом засунула его себе в рот. Адам удивленно вздрогнул внутри ее.

Встретив его взгляд, она заглотила и второй палец.

Он резко запрокинул голову, вжал кулаки в матрас и отдался грохочущему потоку сладострастия.

Жестокий, он обделил ее вниманием, которого она заслуживала. Он просто не мог думать ни о чем другом. Демоны, вечно нависающие над этой кроватью, царапали его кожу, пытались прорвать защитный слой, окружавший его и Белль. С каждым толчком его бедер, загоняя себя в ее тесное жаркое тело, он чувствовал в себе силу отсрочить неизбежный конец, уцепившись за искорку света, которую Белль оставила в его груди.

Он держал ее крепко, даже слишком крепко – на ее восхитительных бедрах наверняка появятся синяки. Он оставит свой след по всему ее телу: и не только на коже, но и внутри ее.

Он мог причинить ей вред. Как причинял вред всем вокруг себя.

«Белль тебя любит, – раздался в его голове насмешливый голос. – А ты сам хоть когда-нибудь пытался заслужить любовь? Две разные женщины удостоили тебя этим чувством. И первую из них ты очень некрасиво потерял.

Адам отбросил неприятную мысль, которой все-таки удалось вклиниться в происходящее, несмотря ни на какую защиту».

Он обвил ее рукой за талию, аккуратно приподнял, и они переместились в центр кровати. Придавливая ее своим весом, он заходил в нее медленно, упиваясь ее нежной, упругой плотью.

Затем начал чередовать быстрые короткие толчки и тягучие скольжения внутрь, до упора.

Она изгибалась под ним, встречая его выпады, и ее внутренние мышцы начали пульсировать.

Она мотала головой, вцепившись ему в плечи, больно врезавшись в его кожу ногтями. Адам взмолился, чтобы она оставила ему шрамы. Выпустила кровь. И пусть рана не заживает. Он уже пометил ее тело, теперь ее очередь.

Из всех шрамов, которые он получил, шрамами от нее он будет гордиться.

Ее отметина будет прекрасной.

А остальные – просто следы неудач и эгоизма. Следы безрассудной жизни юнца, который думал только о своем удовольствии, считал проблемы своей жены пустыми и ставил свою репутацию выше ее комфорта.

Он за все заплатил. Он заслужил свой нынешний облик. И многое другое.

Чего он не заслужил, так это сладких телодвижений Белль и нежности, с которой она произносила его имя. Он не заслужил ее любви, будучи отвратительным чудовищем.

Однако он ее принимал, не находя в себе сил отвернуться, отвергнуть ее любовь.

Он яростно бился о девушку бедрами и вдруг почувствовал, как внутри ее что-то взорвалось. Она задергалась и впилась зубами ему в плечо, когда оргазм накрыл ее. Это выражение первобытного собственнического инстинкта подтолкнуло к концу и Адама.

Он с ревом вонзился в ее прекрасное тело, закрепив свою метку, на что не имел никакого права.

Ничего этого он не заслуживал. И силы у него были только на то, чтобы сдаться.

Ее отметина станет последней радостью, когда Белль уедет.

Когда наслаждение прошло, он понял, что должен ее отпустить.

И пропади пропадом заголовки. Главное – ее счастье.

Ей нельзя здесь оставаться. Она не должна жить в мрачном, угнетающем дворце, населенном демонами. Не должна связывать себя с человеком, которого едва знает. Не должна его любить. Только не его.

И не важно, любит он ее в ответ или нет. В один прекрасный момент он мог ее сломать. Как сломал всю свою жизнь.

Единственным для него выходом из ситуации было раствориться в собственном мраке. Только тогда Белль спасется. А он перестанет быть опасным для других.

Тяжело дыша, Адам перекатился на спину и уставился в потолок, который рассматривал бессчетными ночами, снова и снова прокручивая в себе чувства. Момент, когда он прикоснулся к Ианте, а ее кожа оказалась холодной. Она умерла, не успев дожидаться скорой помощи.

Сам того не осознавая, он протянул руку и погладил Белль по щеке. Живая. Теплая. Светлая.

Если он ее не отпустит, она не выдержит. Он отлично понимал, чем все кончится: тьмой и холодом.

– Ты должна уйти.

До сих пор не выправив дыхание, Белль пыталась вернуться на землю, хотя оргазм разорвал ее тело на кусочки и лишил сил. А тут еще Адам сказал, что ей нужно уходить.

– Будем спать у меня в комнате? – Рано она радовалась прогрессу в их отношениях. Адам наконец-то пустил ее к себе, а теперь вздумал убраться из спальни. На несколько шагов она все-таки продвинулась, но что уж злиться, если они оказались такими крохотными?

– Нет, – отрезал он. – Дело не в комнате. Ты должна вернуться в Калифорнию. К Тони.

– О чем ты говоришь? – Паника в ее душе зашевелилась, как стая перепуганных мышей. – Я не хочу никуда идти. Мы помолвлены. Ты только что подарил мне кольцо.

– Можешь оставить его у себя. Мне все равно. Продай его, если твоему отцу для лечения понадобятся деньги.

– Ничего не понимаю... Мы занимались любовью! Мы...

– Это была ошибка. От начала до конца. Я повел себя эгоистично. Ты пожертвовала собой ради моей репутации, а ведь я этого не просил, Белль. Ты не должна была подвергать себя такому испытанию.

– Я сама выбрала этот путь, – заартачилась она. – Потому что люблю тебя.

Он вздрогнул.

– Нет, не любишь. Прочти пару статей о наших отношениях, Белль. У тебя стокгольмский синдром. Я отрезал тебя от внешнего мира, и ты начала сочувствовать своему захватчику.

– Мерзавец! Расскажи еще о моих чувствах, психолог-дилетант! У меня есть свое мнение. И о своих чувствах я знаю сама.

– Это ты так думаешь, – уколол он ее.

– Хочешь внушить мне, что я безумна? – вскипела Белль. – С каких пор ты отрицаешь мои чувства?

– Ты о них ничего не знаешь.

– По-твоему, женщины слишком пустоголовы, чтобы понять собственное сердце?

– Нет. Просто ты не знаешь того, с кем решила разделить ложе. Я никогда не рассказывал до конца, что произошло в тот вечер, когда моя жена умерла. Я никогда не объяснял, почему считаю себя монстром. Из-за шрамов? – Адам поднялся, заиграв мускулами. – Плевать я хотел на шрамы. И на потерю смазливой мордашки. К черту эту ерунду! Я стал монстром задолго до аварии, и последующие события лишь обнажили мою сущность. Уродливую. Себялюбивую. По крайней мере, теперь моя физиономия может служить предупреждением.

– Прекрати. Ты снова возвращаешься к фактам, о которых я не хочу слышать. Да, это трагедия. Но сейчас ты бежишь от действительности, которую не в состоянии принять. За годы затворничества ты успел забыть, каково жить при свете.

– Я прекрасно помню, каково жить при свете. Я бы украл его у тебя, Белль, правда. Выпил бы его до дна, и ты стала бы мрачной, как я.

– Может, тебе стоит мне поверить? Я знаю, чего хочу и как с этим справиться.

– Рассказать, какой из меня муж? – Адам покачал головой. – Я эгоист. Репутацию и свое личное счастье я ценю превыше всего. Моя жена была на последних сроках беременности, когда умерла. В тот вечер ей не хотелось посещать празднество. Она хотела остаться дома и отдохнуть. Но я сказал, что это даже не обсуждается. Что меня должна увидеть публика. Что мы обязаны там появиться парой, ведь нас ждала пресса. Я хотел, чтобы она появилась, сияя от счастья. Красавица-принцесса, носящая в себе будущее нации. Большинство изданий нас обожало, остальные преследовали. Популярность – палка о двух концах. О ней и о нас витали сплетни, которые я собирался развеять. И, несмотря на то, что она хотела посидеть дома, я настоял на выходе в свет.

– Адам... – Белль пыталась отдышаться, но боль, исходящая от него, наваливалась на нее и душила. Было трудно даже сидеть, не то что говорить. – Не вини себя. Ты же понятия не имел, что случится авария! Ты же не мог предугадать...

– Конечно, не мог. Но это уже не важно. Я не умею предсказывать будущее. Поэтому я обвинил фотографа, которому втемяшилось сделать снимок, и он сунул камеру прямо в лицо моей бедной жены. Он хотел вызвать очередную волну подлых комментариев о ее прошлом, о том, что до свадьбы у нее была вполне определенная репутация и я не могу быть уверен, что ребенок от меня. – Его лицо перекошило от злобы. – Разумеется,

ребенок был мой. Я знал Нанту. Знал, какая она, и знал, что она мне верна. Но пресса решила сделать из нее карикатуру. Я в этом не виноват. Но я не могу себя простить за то, что насильно выставил ее на всеобщее обозрение, и при таких обстоятельствах. Я не послушал ее, когда она жаловалась на усталость. Я не ценил ее должным образом. Я любил покрасоваться. Любил выглядеть частью этого блестящего мира. Почему, думаешь, я отгородился от него после смерти Ианты?

Белль почувствовала, как будто ее ранили в грудь, и парчовое покрывало уже пропиталось кровью. Понятно, что Адам закрылся от мира. Он винил себя в том, что любил выходить в свет, наслаждаясь своим статусом. В конце концов, это его и предало. Неудивительно, что он выбрал затворничество. Отрезал себя от народа, от женщин, даже от слуг – которых, судя по всему, любил. Он закрылся от всего, кроме своей боли. И его покои стали мавзолеем – в честь его собственного провала.

Памятник его горю и мукам. Но не ей его судить. Ее собственная жизнь казалась монументом боли после материнского предательства, монументом страха вновь оказаться отвергнутой. Но себя она никогда не винила. Белль понимала, что корнем зла была ее мать, в которой четырехлетняя девочка не смогла найти любовь.

Адам же утопал в муках совести. Это было не просто горе, боль утраты. Он поселил боль в себе, решив наказать себя до конца жизни.

И этим он измучит их обоих. Белль вспомнила его слова, когда они приземлялись в Санта-Милагро. О том, что в глубине души он не хочет расставаться со своей болью и мраком.

Уготовив самому себе вечные муки, Адам сыграл роль судьи, присяжных и палача в одном лице. Как бы ей хотелось избавить его от этого!

Но она не могла. Она прекрасно осознавала, сидя перед ним с распахнутой душой и телом, что не избавит его от мук, если он сам этого не захочет. А жить в этих стенах... с постоянными разногласиями... будет равноценно медленной смерти. Разумеется, не в буквальном смысле. Несмотря на то, что о нем говорили в свете и что он сам о себе говорил, Адам не был чудовищем. Но что касалось эмоций...

Как жить с мужчиной, намеренно отвергающим любовь, которую она закопала глубоко-глубоко в своем сердце?

Покидать Адама ей не хотелось. Она бы осталась с ним навсегда, и пусть это кончится саморазрушением, но, падая вниз, она будет окружена сиянием блаженства. Во всяком случае, о такой страсти ей прежде приходилось лишь мечтать.

Белль положила руку ему на плечо.

– Я люблю тебя, – повторила она. – И никакие твои слова это не изменят. По-твоему, если ты откроешь мне свои темные стороны, все станет по-другому? – Ее сердце как будто зажали в тиски. – Адам, я всю жизнь скрывала свои чувства и желания. Я считала себя счастливой. Я думала, что спокойное шествие по жизни – и есть счастье. Но оно оказалось вовсе не спокойным и не счастливым. Гораздо охотнее я бы боролась здесь с тобой. Справлялась бы с твоей болью, с твоим жутким негативом, сражалась бы с тобой, кричала на тебя, занималась бы с тобой головокружительным сексом. Я не хочу возвращаться домой, в безопасное гнездо. Я больше не хочу плыть по течению. Мне нужны настоящие эмоции. Настоящая жизнь. Сумасшествие, которое происходило между нами. Не пытайся ограждать меня от него, ведь это лучшее, что со мной случилось. Ты – лучшее, что со мной случилось.

Адам покачал головой:

– Я не хочу, чтобы ты жила здесь. Раньше мне казалось, затащу тебя в постель – и начну новую жизнь, забуду обо всем. А оказалось, не могу. И не хочу.

Его слова пронзили ее в самое сердце. Хотя было ясно, что они не правдивые, что Адам просто защищается. Белль разглядела отчаяние в его темных глазах. Как бы он ни изворачивался, в плену у него она никогда не была. Он сам был у себя в плену. И видимо, решил никогда себя не освобождать.

Белль вскочила с кровати и встала посреди комнаты, голая и нимало не смущенная.

– Повтори это, Адам. Если ты хочешь, чтобы я уехала, я не буду навязываться, только посмотри на меня и скажи, что ты правда этого хочешь. То, что случилось с тобой, с твоей женой и сыном, – это трагедия, и ты не в силах ее изменить. Ты врешь самому себе, и я понимаю почему. Из-за страха вновь испытать боль.

– Нет! – прорычал он. – Боли я не боюсь. Я боюсь разрушений, которые могу нанести, когда забываю, кто я и что я такое. Когда позволяю себе поверить в свои якобы добрые и возвышенные качества. Когда балую себя по-королевски, словно заслуживаю большего внимания, чем все мое окружение. Я знаю, сколько это может принести разрушений. Не хочу до этого доводить.

– Ты боишься снова испытать боль, – настаивала она, и ее голос задрожал. – И я тебя не виню. Моя мама не умерла, она просто меня бросила, и всю жизнь мне страшно, как тебе. Стоя сейчас перед тобой, я

рискую, потому что любить – значит рисковать собой, своим сердцем. А еще я считаю, что любовь всегда честна. Поэтому я скажу тебе правду. Потерять жену и сына не было твоим выбором. Но сейчас ты выбираешь потерять меня. Потерять то, что могло бы между нами возникнуть. Адам, я никогда не заменю Ианту. И наверное... наверное, ты никогда не полюбишь меня, как ее. Но мне этого и не надо. Я хочу от тебя чувств, на которые ты способен сейчас. Я хочу, чтобы ты просто попробовал. И я хочу, чтобы ты выбрал меня. Выбрал нас. Выбрал жизнь, а не смерть. Раньше выбора у тебя не было. Произошел несчастный случай. Ты ничего не мог сделать. Но сейчас можешь, и ты выбираешь вычеркнуть меня из жизни. Не надо...

Белль была готова умолять его. Упасть на колени. Все, что угодно, лишь бы сохранить его, сохранить их отношения. Когда дело касалось Адама, она уже не думала о гордости. Да и что хорошего могла бы ей дать гордость?

Белль была совсем маленькой, когда ее бросила мать.

Перед отъездом мама наскоро разобрала ее вычурную детскую комнатушку – наглядное свидетельство того, что она лишь изображала из себя хорошего родителя. Потом посадила девочку в машину, которую направили к дому ее отца, и сказала, что никогда не вернется.

Это сломало Белль. Перевернуло ее мир вверх тормашками. Белль неистово закричала, как будто мать могла услышать ее боль, ее страх. Но мать отвернулась, и девочка начала рыдать. Она сидела одна в машине с несчастным водителем, которому просто дали указания. Одинокое создание, полное горя и отчаяния.

Но сейчас она не раскиснет. Только не теперь. Только не перед лицом Адама.

Провались она на месте, если позволит Адаму вернуться во тьму, не обрушив на него всю мощь своего света. Она не боялась быть громкой. Не боялась любить, не боялась разорвать себе грудь и показать ему содержимое.

Потому что без него ее сердце не нужно было защищать. Он был ее сердцем. И она не намерена его терять.

– Может, ты и права. – Его голос был таким же невыразительным, как и лицо. Он наклонился и зажег лампу, от яркого бокового света его шрамы проступили сильнее, подчеркнув выступы и впадины изуродованной кожи. Как будто через нее проступила вся его внутренняя боль и тьма. – Может, я выберу отпустить тебя. Но это мое право, понимаешь? Мое желание. Я такой, какой есть, и больше мне нечего предложить. Последние недели мы веселились – если это слово подходит такому, как я. Я искренне

наслаждался твоим прекрасным телом, но это не любовь. Любовь у меня была, – выдавил он. – Теперь она мертва. Если ты хочешь любви, тебе нужно уйти. Это еще хорошо, что я тебя прогоняю, а не забалтываю словесами, которые ты хочешь услышать. Я могу держать тебя здесь, пользуясь твоим телом, как мне заблагорассудится, но это не принесет тебе счастья. Отправляя тебя домой, я делаю милость. На твоём месте я бы предпочел достойный уход.

Проникая в самую душу, его слова заполняли её грудную клетку и не давали дышать. И все-таки, уголком сознания, Белль поняла, что он лжет – после слов о милости. Будь Адам вполнину так жесток, каким теперь притворяется, он бы не оказал ей никакой милости. Если бы дело было в сексе, он бы не отпустил её. Ему ничего не стоило содержать её. Он врал именно затем, чтобы она уехала.

Как больно слышать, что он не считал их отношения любовью. Для него они были мелкими, малозначимыми, тогда как для Белль они оказались новым огромным миром. О существовании которого она и не подозревала.

– Ты правда хочешь, чтобы я ушла?

Помедлив, Адам кивнул:

– Так будет лучше.

– А ты, значит, останешься здесь зализывать раны? Будешь вскрывать их раз за разом, не позволяя себя лечить, потому что тебя устраивает жить в страдании и ты боишься испытать новую боль?

Он так быстро вскочил с постели, что она даже не успела отреагировать. Она вжалась в стену, и вдруг ладонь Адама мягко накрыла её горло.

– Это не значит, что я больше не испытываю боли. Меня трудно ранить глубоко. Если ты не уедешь, то обречешь себя на вечное страдание. Сейчас дверь открыта, Белль, потом – вряд ли. На твоём месте я бы уносил ноги. Возвращайся к Тони. Возвращайся на побережье, к своему отцу. Все-таки он болен, и будет лучше, если ты проведешь с ним его последние дни.

Его слова разили наповал. Но они для того и предназначались. Ранить, уколоть поострее.

И поскольку Адам знал её как никто другой, они точно попадали в цель.

Она медленно кивнула, и, опустив руку, Адам с каменным лицом отошел на шаг.

– Тогда я ухожу.

Она шагала в ритм своего сердца, каждый стук которого причинял ей

страдание. Как будто весь этот орган превратился в кусок разбитого стекла.

Белль не хотела никуда уходить. Она хотела остаться. Она хотела развернуться и помчаться к нему, упасть к его ногам и умолять, чтобы он позволил ей остаться. Чтобы она приняла хотя бы крохи его теплых чувств.

Но она не могла. Не из-за гордости, которой, если честно, уже не находилось места. А ради того, чтобы Адам понял: между ними вспыхнули настоящие чувства, и последние недели бесповоротно его изменили. Она должна уйти, чтобы проучить его. Вдруг он будет по ней убиваться? Нельзя лишать его такой возможности.

Но воплотить свое решение в жизнь оказалось нелегко. Каждый шаг был через силу, каждый вдох исцарапывал горло.

Белль достигла конца коридора и ринулась в свою комнату, не заботясь о том, что прислуга может увидеть ее в расстроенных чувствах. Зайдя в спальню, она огляделась: все вещи в этой комнате были одолжены, и принадлежали они совсем другой жизни. Своего у нее здесь не было. Ни одежды, ни роскошной кровати, ни мрачного принца, который изменил ее навсегда.

Она должна собираться. Вызывать такси до аэропорта. И хорошо бы попросить Афины принести чашку чаю, и пусть Афина скажет, что все образуется.

Но ничего этого она не сделала. Белль глубоко вздохнула, нырнула в постель лицом вниз и заплакала, словно у нее разорвалось сердце.

Потому что так оно и было.

– Она уехала. Надеюсь, ты счастлив.

Адам поворочался в кровати, сощутив глаза от света, наполнившего комнату. Сначала он решил, что грезит наяву, потому что в центре спальни стоял Фос, неодобрительно на него глядя.

– Кто уехал?

– Белль, – ответил он. – Но ты, видимо, этого и добивался.

Советник никогда не появлялся в крыле Адама. Заходить туда было запрещено всему персоналу. Это было его личное пространство. Где Адам хранил свою боль, пока прошлой ночью не впустил туда девушку.

Слава богу, все закончилось! Она уехала. Именно этого он и хотел. Сейчас он должен ликовать. Но почему-то на сердце у него лежал камень.

– Верно, – пробурчал Адам. – Я отправил ее домой. Пришло время.

– Она волновалась о тебе.

– Это означает лишь то, что у нее повредился рассудок.

– Мой, значит, тоже, – заметил Фос. – По какой-то неведомой причине

я тоже о тебе волнуясь. И мне не все равно, утонешь ли ты под грузом собственного горя. С Белль у тебя появилась возможность наладить жизнь. Не понимаю, почему ты не уцепился за нее обеими руками? Очень немногие приходят сюда и самоотверженно пытаются тебя понять.

– Куча женщин с радостью выйдет за меня замуж. Не обязательно иметь внешность. Не обязательно быть обаяшкой. Я из королевской семьи и могу сделать любую женщину принцессой. Особых заслуг тут не требуется.

– Но тебе не нужна еще одна принцесса. Тебе нужен тот, кто будет видеть тебя сквозь твои раны. В лучшем случае это буду я, поскольку я знаю тебя с детства. Но то, что между тобой и Белль... Боюсь, это единственное, что может вытянуть тебя из мрака. И если бы ты перестал измождать себя чувством вины, то мог бы освободить в своем сердце место для любви.

Адам горько засмеялся.

– Для любви... Но что эта любовь мне дала? Абсолютно ничего! Она только уничтожила меня. И что я могу дать любимой женщине, кроме преждевременной смерти?

– Трагедии случаются, – возразил Фос. – Жизнь несправедлива. Но ты принц, а не Господь Бог. Не ты устроил аварию. Да, ты был эгоистичен, но это свойство всех людей. Все мы время от времени поступаем эгоистично. Моя жена умерла тридцать лет назад, а я до сих пор помню все свои проступки. Я до сих пор о многом жалею. Сейчас я бы поступил совсем иначе, чем в молодости. Но это жизнь. Нельзя сидеть в цепях прошлого, иначе как жить настоящим? Ты стал чудовищем только потому, что сам так решил.

Фос развернулся, чтобы уйти.

– Надеюсь, ты закончил? – спросил Адам.

Советник тяжело вздохнул:

– Пришлось.

На такой неоднозначной ноте Фос его оставил. В груди Адама поднялась какая-то странная боль.

Стало страшно вытянуть руку и не найти никого в своей постели. Почти так же страшно, как прикоснуться к остывшему телу жены.

Внезапно ярость и боль взревели в его голове, Адам схватил с прикроватного столика безделушку и зашвырнул ее вглубь спальни. Однако бурлящих эмоций это не усмирило.

Он скинул с себя одеяло и, не обращая внимания на наготу, зашагал в гостиную, которая постоянно попадала под раздачу.

Почти вся мебель была уже разрушена. Адам сдернул со стены портрет отца и бросил его с размаху, с удовлетворением отметив, что рама разлетелась, а полотно согнулось. Старик тоже его оставил. Тогда зачем Адаму хранить его портрет? В качестве насмешки? Все, довольно!

Адам подошел к креслу и одним ударом повалил его на бок. Его распирала злость. А винить было некого. Не на ком сорваться. Нанта мертва. Она мертва и больше никогда не вернется. Его сын умер, не успев сделать первый вдох.

Они умерли, не дав ему возможности их спасти. Единственным шансом было просто не пойти на вечеринку. Но Адам не мог вернуться и переменить решение.

Они были его будущим, его душой, и они оба его покинули.

При этих мыслях перед его глазами почему-то встала Белль. Пытаясь унять боль, он прижал руку к груди.

Адам ходил по комнате, не обращая внимания на то, что ступает по разбитому стеклу, засохшим лепесткам и остаткам мебели. Он поднял фотографию, на которой его жена лучезарно улыбалась, а собственного лица он не узнавал.

Три года назад его будущее заключалось в Ианте и их ребенке. Но это будущее предназначалось другому человеку.

Теперь же, когда он думал о любви... Он думал о Белль.

По неизвестным причинам она полюбила мрачного исполосованного ранами типа. Она стояла перед ним и предлагала то, о чем он и мечтать забыл. Правильно она кричала на него, как будто не боялась ничего на свете. Он оказался трусом. Трусом, который использовал свое горе как прикрытие, как средство защиты.

Да, он отчаянно жаждал всполохов света, которые ему давала Белль, но чаще всего довольствовался тем, что скрывался в темноте, где его никто не мог найти. Где ничто не могло его затронуть.

Останься он там, защита у него была бы весьма определенной. Без сюрпризов. Тоска, воспоминания о прошлом и боль стали бы постоянными. Он был бы хозяином своей боли. И она никогда бы не вышла из-под контроля. Она не смогла бы подняться из глубин и ошарашить его, размазать его по стенке, как когда-то.

Останься он там, останься он один, понятно, какими были бы его дни. Понятно, что ждало бы его впереди. Пустое будущее. Бесконечная, голая грифельная доска, на которой не появится ни единой записи.

Но если он вернет Белль, если примет ее любовь, если разрешит себе полюбить ее в ответ, если в нем возродятся желание, надежда,

потребность, – одному Богу известно, каким будет результат.

Может, Белль от него устанет. Может, он в конце концов ее изведет. Может, ее заберет смерть. Если он откроется своему желанию – будущее предстанет перед ним в ярких красках, с совсем небольшими темными крапинками.

А если останется здесь – эта комната, полная разбитых надежд и мертвых цветов, будет единственным его пристанищем.

Адам наклонился и поднял с пола высушенный лепесток. Сколько он здесь лежал?

Несколько лет. Цветы умерли, как и все остальное. С тех пор Адам не привнес сюда даже намек на новую жизнь. Он зажал лепесток между пальцами и растер его в пыль. Прах. Смерть. Больше здесь ничего не было. Тоска, раскаяние и воспоминания.

А Белль все правильно сказала. Он винил себя, потому что ему было на что злиться. Потому что тогда у него появлялся хоть какой-то смысл. То, что держало его здесь. Позволяло никогда не двигаться вперед. Оправдывало его эгоистичное закрытое существование во имя жены и сына. Но такого отношения не заслуживала светлая память родных, его страна и особенно его собственное сердце.

На прошлой неделе Фос произнес магическую фразу в защиту Белль. Именно сейчас Адам понял, что в его словах была доля истины. Адам действительно ощущал себя закованным в цепи. Казалось, они видны невооруженным взглядом. Фос говорил, что только у Белль есть ключ, который разорвет узы. Но в этом таилась не вся истина.

Белль была всего лишь причиной. Разорвать цепи должен он сам, и никто иной.

Вряд ли она простит ему ужасные, лживые слова, которые он выпалил, чтобы заставить ее уйти. Нет никаких гарантий, что жизнь потечет плавно и гладко, и Белль останется с ним до его последнего вдоха. Но для этого требовалось сделать шаг. Поверить, набраться храбрости и впустить в себя любовь. Это выглядело совершенно недостижимо. Невероятно. И Адам вдруг осознал, что сделал шаг. Потом еще один. И хотя он мог только гадать, чем закончится его жизнь, он понял, к чему должен стремиться.

К свету. К боли. К удовольствию. К любви.

К Белль.

Адам вытащил из кармана телефон и набрал номер Фоса.

– Цветы! – скомандовал он, когда советник поднял трубку. – Во дворце снова должны быть цветы.

После бесконечных дежурств в онкологии и долгих часов ухаживаний за отцом, страдавшим от последствий лечения, Белль чувствовала себя как выжатый лимон, когда выходила из дверей их скромного дома, накинув на плечи кофту. С океана дул сильный ветер. Она спрыгнула по ступеней, сняла обувь, когда дошла до песка, и пошлепала босиком по кромке воды.

Если бы люди могли изнашиваться, Белль обветшала бы давным-давно. Самый слабый толчок мог сломать ее пополам. Она была измождена. Обессиленна.

Ни лечение отца, ни побочные эффекты не были в этом виновны. Нет, дело было в разбитом сердце. Дело было в Адаме. Когда она вернулась домой бледная и с глазами полными слез, отец выбралил ее чудовищного тюремщика на чем свет стоит. Но Белль лишь выдавила улыбку и сказала, что Адам не так ужасен, каким его представляют.

Отец, конечно, заартачился.

– Он держал тебя в плену из-за пары фотографий!

– Ты не знаешь, через что он прошел. Он чрезвычайно замкнут. Он вынес столько боли! Если он принц, это не значит, что любой имеет право на него глазеть, вскрывая ему раны!

– Твой рассудок затуманен! Он точно с тобой что-то сделал, пока ты была с ним.

Белль чуть не рассмеялась.

– Да. Он украл мое сердце.

На это у отца не нашлось удовлетворительного ответа. Да почему это мужчины вечно пытаются решить за нее, что она должна чувствовать? Чувства у нее, видите ли, неправильные и нелогичные! Все, с нее хватит.

Белль набрала полную грудь морского воздуха, пытаясь хоть как-то освежиться. Удивительно, что может сотворить разбитое сердце. Все кажется тяжелее. Даже воздух.

Она опустила взгляд на левую руку, на кольцо, которое должна была снять, но до сих пор не сняла. Она лениво повертела его на пальце, снова уставившись на океан.

Адам... Ах, Адам...

– Белль.

Тихие слова отца, принесенные ветром, заставили ее обернуться. Он стоял, опираясь на ограду. А позади него, залитый солнцем, стоял высокий, сановитый незнакомец.

Белль покосилась на кольцо, подозревая, что это оно вызвало Адама сюда. Видимо, от отчаяния у нее разыгралось воображение.

– Я бы с радостью его вышвырнул, – произнес отец. – Но у меня и в

лучшие времена не хватило бы сил справиться с таким бугаем.

– Не надо никого вышвыривать, – в полуобмороке пробормотала Белль.

Адам молча отошел от ее отца и спустился по лестнице к пляжу. Остановившись, он скинул ботинки рядом с ее обувью. Отец покачал головой и побрел к дому, оставив их с Адамом наедине.

– Неужели ты приехал, – прошептала она дрожащим голосом.

– Мне больше некуда приезжать, – просто ответил он, приближаясь к ней. – Я могу и дальше жить во тьме, но... Теперь я этого не хочу. – Держа руки в карманах, он пристально смотрел на океан.

– Зачем ты сюда явился, Адам? В очередной раз сообщить мне, что я не стою твоей жены? Ты хочешь снова взять меня в плен, при этом не испытывая ко мне чувств?

Он посмотрел на нее бешеным взглядом.

– Конечно нет.

– Тогда можно было обойтись без такого драматизма. Ты что, не видишь, в каком я смятении? Я держусь из последних сил, заставляю себя дышать, и тут ты! Возник передо мной, как какое-то привидение, я даже до конца не верю, что ты настоящий! А ты даже не удосужился объяснить, зачем приехал. Наверняка...

Адам прервал ее, заключив в свои объятия и впиваясь в ее губы. Поцелуй был нетерпеливым, диким – и Белль растворилась в нем. Потому что он высвобождал ее собственную дикость. Темную часть ее души, до которой смог добраться только Адам.

– Я люблю тебя, – сказал он. – Теперь тебе ясно?

– Да, – ошеломленно ответила она. – Но ты же говорил...

– Ты угадала меня на сто процентов. Я врал. Врал нам обоим. Я произнес ужасные, ядовитые слова, чтобы ты уехала, потому что я струсил. Я решил, что лучше самому разбить себе сердце. Ты бы все равно поняла, что я не тот, кого ты любишь. Я просто чудовище, которое держало тебя под замком.

Она покачала головой.

– Ты не плохой, Адам. И не чудовище. Ты... Ты для меня все.

– Я этого не заслуживаю, – огрызнулся он. – Я погряз в своем мраке и даже не хотел вылезать. Но ты до меня достучалась, хотя я и повода не давал, и полюбила меня, хотя во мне не было ничего любящего. Не понимаю, Белль. Я не мог понять, поэтому боялся. По себе знаю, к чему приводит затворничество в замке. Если никого не любить, у тебя никого не заберут. Гораздо проще оправдаться, если винить себя в смерти жены.

Назвать это возмездием, а не малодушием. Но я скрывался. От мира. Потом от тебя. От моих чувств к тебе. Не сказать, что я считал себя неспособным любить. Нет, меня бесило, что мое сердце этого не умеет. Я могу любить глубже и серьезнее, чем когда-либо, потому что теперь я знаю, чего это стоит. Все это выглядело пугающим, и я бы охотнее сбежал от любви, но невозможно жить, зная, что ты где-то там, а я здесь во мраке. Пока мое солнце здесь... – Он провел пальцем по ее скуле. – Я не смогу от него оторваться, даже если должен. А я должен. Ради твоей безопасности, ради твоего же блага. – Он покачал головой. – Может, я недостаточно тебя люблю, и, наверное, нужно тебя отпустить, но это выше моих сил.

– Зачем люди так поступают? – задумчиво произнесла она. – Почему они думают, что должны отпустить тех, кого любят? По-моему, если ты по-настоящему кого-то любишь, ты должен преодолевать препятствия, преодолевать страх.

Белль прильнула к нему, положив голову ему на плечо.

– Мне кажется, человек должен влюбиться хотя бы затем, чтобы понять: иногда это причиняет боль. Иногда это подразумевает потерю, иногда сложности. Иногда это меняет твои поступки и тебя самого. И не всегда к худшему. На собственном примере вижу, что я не была цельной личностью, пока не полюбила тебя.

– Белль...

– Пришлось измениться, чтобы тебя заарканить, – шутливо продолжила она, поскольку Адам молчал. – Сомневаюсь, что и ты без меня чувствовал себя цельным. Давай обойдемся без глупого утверждения, что настоящая любовь подразумевает идеальное счастье. По-моему, она подразумевает страсть. Борьбу, жертвы, красоту и боль. Я рискую, открываясь перед тобой, а ты продолжаешь говорить, что ты – тьма, а я – твой свет. Разве тебе не приходило в голову, что моим светом можешь быть ты?

– Да как же... Бред какой-то, – упавшим голосом сказал Адам.

– Моя жизнь была лишена страсти. Восемь месяцев я встречалась с мужчиной, к которому даже не испытывала влечения. Наверное, я бы и замуж за него вышла, радуясь тому, что он, по крайней мере, не причинил мне боли. Он не вызывал у меня ни страдания, ни страсти. Ради него мне не приходилось рисковать. Только ты показал мне, что я могу хотеть большего. Ты дал мне это – и взамен ничего не отобрал. Ты превзошел все мои ожидания. А во тьме я провела лишь нашу разлуку.

Адам снова сжал ее в объятиях и поцеловал – глубоко и яростно, не оставляя никаких сомнений в своих чувствах.

– Ты никогда не была моей пленницей, – пробормотал он. – Это я был твоим пленником. С первой секунды, как тебя увидел.

– Похоже, это у тебя стокгольмский синдром.

Он рассмеялся:

– Или просто мы друг друга любим?

Белль улыбнулась, чувствуя, как свет наполняет ее душу:

– Думаю, ты прав.

В первую встречу она приняла его за монстра. Но в итоге принц Адам Казарос оказался именно тем мужчиной, в котором она нуждалась.

– Я хочу, чтобы ты стала моей женой. Таких слов я тебе еще не говорил. По крайней мере, не в такой форме. Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж, стала моей принцессой, проводила со мной все ночи, чтобы ты родила мне детей. Хочу этого больше жизни.

– Я тоже, – прошептала она.

– Ты мое будущее, – сказал он, глядя ее по щеке. – Ты мое сердце.

Она провела пальцем по глубоким шрамам – свидетелям его боли и силы. Именно они сделали его человеком, которого она полюбила.

– А ты мое.

И жили они долго и счастливо...

---

notes

Примечания

1

Госпожа (*фр.*).

2

Любовь моя (др. – греч.).

3

«Есть, молиться, любить» – книга мемуаров американской писательницы Элизабет Гилберт.

Table of Contents

[Мейси Эйтс Чудовище в плену красавицы](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)